

**Кирилл Черкизов
Игорь Викторович Чубаха
Пепел и страховой бес
Серия «Пепел», книга 3**

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180393*

*Чубаха И., Черкизов К. Пепел и страховой бес, или По следам кавалеров ордена Страх: Крылов;
СПб.; 2004
ISBN 5-94371-711-0*

Аннотация

Как горько, забурившись за экватор в фешенебельный круиз по местам, где снимался знаменитый «Властелин колец», проиграться в пух и прах в казино, а по возвращении в родной северный город столкнуться с занявшим твоё место под солнцем двойником. Причем, это исчадие ада развлекается очень грязным делом – похищает подростков для неведомых целей. И доблестные правоохранительные органы гонятся не за таинственным близнецом, а за тобой.

Именно в такую орлянку сыграла вечно несправедливая судьба с Сергеем Ожоговым, он же – Пепел. А тут еще вспыхивает война за передел теневого медицинского рынка, и трупы авторитетов хоронят в горах контрафактных таблеток. И у Пепла нет иного выхода, кроме как вписаться в заведомо подлую игру на стороне себя.

Начатые в романе «Пепел и золото Акелы», продолжившиеся в романе «Пепел и Кокаиновый король» приключения Ожогова не заканчиваются и в этой книге.

Содержание

Глава 1. Операция под общим наркозом	4
Глава 2. Прививка от бешенства	18
Глава 3. Лечебное голодание	31
Глава 4. Рецепты выживания	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Игорь ЧУБАХА, Кирилл ЧЕРКИЗОВ

Пепел и страховый бес, или По следам кавалеров ордена Страха

*...Лишь вернулся я несмело (вся душа во мне горела),
Вскоре вновь я стук расслышал, но ясней, чем до того.
Но сказал я: «Это ставни ветер зыблет своенравный,
Он и вызвал страх недавний, ветер, только и всего,
Будь спокойно, сердце! Это – ветер, только и всего.
Ветер, – больше ничего!"...*

«Ворон» Эдгар Алан По

Глава 1. Операция под общим наркозом

*... Чья не пылью затерянных хартий –
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь
И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт...*

«Капитаны» Николай Гумилев

Этот бархатный сентябрь Пепел вряд ли имел основания считать удачным. Перед гастролями за экватор у Пепла на кармане имелось что-то около пятнадцати евроштук плюс какая-то крошка в баксах. Когда белый круизный теплоход отчалил из Сиднея в Новую Зеландию, у «мистера Сержа», как стали величать Пепла дилеры трех палубных казино, карманы оттягивало что-то порядка пятидесяти косарей серьезных денег. Когда Пепел в обратном порядке пересекал границу Родины, причем через таможенню во Владике, его костюм уже трудно было назвать роскошным, а в карманах жалобно звенела чахлая мелочишка, впритык достаточная, чтобы вернуться восвояси по месту прописки.

Пепел так и не научился вырубаться в самолете. Тем более что октябрьское небо щедро одарило облаками, пошла сильная болтанка, и пришлось пристегивать ремни. Соседу-толстяку стало плохо, он постоянно звал стюардессу. Стоило Пеплу наконец закрыть глаза и поплыть в мареве черно-белых картинок, раздавался очередной стон пузана, которому опять требовался пакет. «Каждый из нас частенько ошибается в выборе дороги» – хмуро думал Пепел, насильно вырванный из забытья. А толстый фраер закатывал глаза и, подвывая, вещал всему курящему салону, что вот-вот склеит ласты.

Пару раз Пепел поймал себя на желании предложить страдальцу свою помощь в этом смешном деле. Или просто – протянуть руку и, не говоря ни слова, сжать небрежно защищенную складками жира шею, нащупать кадык и давить, давить, давить... До тех пор, пока сосед не перестанет издавать звуки, и можно будет мирно спать до самой посадки.

В Москве, на Ленинградском вокзале, пришлось долго скучать в очереди у кассы: переменовок у кассирш, которые теперь все за компьютерами, и имеют право целыми днями пить чай с приторными пирожными на законных основаниях. Пепел готов был растянуться прямо

на заплеванном полу зала и заснуть. И все же ему тогда казалось, что в его жизни это началась далеко не самая трудная неделя.

Добравшись до заветной купейной полки, Пепел рухнул, не расстилая белья. Блаженно закрыл глаза. Но, видимо, не судьба ему была выспаться в эти сутки. Поезд тронулся, и в купе ворвались две истерические двадцатилетние козы, отчаянно, с детской непосредственностью матерившиеся. Одна из них слету боднула ногу Пепла, свешавшуюся с полки. Он разлепил веки. Каждая девица держала в руке по бутылке пива. Глаза у обеих были безумные.

– Ох, простите, простите, – бормотали они, и тут же принялись, по закону долгой дороги, делиться с попутчиком:

– Блин, у нас такое! Вы не смотрите, что мы такие... ну, как пыльным мешком стукнутые, – сбивчиво объясняла одна.

Вторая, тупо уставившись на Пепла, вежливо поинтересовалась:

– Молодой человек, а у вас случайно выпить не найдется? Чего-нибудь...

Пепел не ответил и отвернулся к стенке. С противоположной верхней полки донесся обволакивающий баритон:

– А что, проблемы?

«Да здесь, того и гляди, – подумал Пепел, – пойдет гулянка почище Марьиной рощи...». И тут же заснул.

Но через час ему пришлось-таки проснуться. Надтреснутый женский голос пронзительно выводил прямо под ухом:

Не покидай меня, высокая мечта,

Козла в мужчину превращает наркота...

Та-та-та-та-та...

Ля-ля-ля-ля, Эсмеральда...

На столе красовался балдометр водки и пол-литра «Боржоми». «А баритон-то жметя», – безразлично прикинул Пепел, оценив понтовый прикид сорокалетнего потасканного мачо. Скорее всего, промышляет продажей-покупкой-разменом квартир: глазки такие, будто постоянно метраж купе в уме подсчитывает.

– Я вообще директор риэлтерской фирмы...

– Нет, давайте лучше говорить про футбол... Вот завтра, то есть уже сегодня, очень забавный матч будет. Закончится он...

– Я не хочу! Достали вы меня своим футболом! А как насчет того, девочки, чтобы прямо с поезда ко мне на жилплощадь?

– А вдруг ты – сексуальный маньяк?

– Нет, я – не маньяк, я – девелопер, это значит...

– А давай выпьем...

– Блин, мать твою, если ты каждый раз будешь так надираться после поездки на НТВ, я с тобой больше не ездец. В конце концов, кто из нас алкоголичка?

– Аспирину дай...

– А давайте обсудим тему сексуальных маньяков!

– Ага, вон по телеку про одного пугают. Уже то ли семь, то ли одиннадцать киндеров похитил!

Пепел смирился с судьбой. Вышел покурить, прийти в себя. Когда вернулся в купе, риэлтер пребывал в благополучном отрубоне, так и не реализовав наполеоновские трах-планы, а девицам явно хотелось продолжить банкет. Сергею ничего не оставалось, как до конечной остановки глотать риэлтерскую подачку под храп спонсора и выслушивать Таню и Лену, простых северных девчонок, словивших непонятный для него фарт, заключавшийся в грошовой стажировке на крутом телеканале. Тема маньяков, похищающих детишек, еще дважды всплывала в беседе, но раз от разу невнятной. Сергей смотрел на худеньких, растре-

паных, раскрасневшихся от водки девчат, и с удивлением понимал, что ему, всегда к деньгам легкому, мучительно жалко оставленных в Австралии денег – и не потому, что отправлялся за экватор не бомбить толстосумов, а в турне по местам, где снимался мощный фильм про гоблинов, хоббитов и колдунов; собирался, да не доехал.

Полусвихнувшиеся от неожиданного счастья, бессонной ночи и забористой водяры, барышни явно заслуживали лучшей участи, включая Монмантры и турецкие бани в Салониках. А у Пепла на кармане – мятая десятка на метрошный жетон. И даже кружкой ларечного пива не разживешься.

Любимый город встретил неприветливыми взглядами вокзальных ментов. Хмурое утро невнятной северной осени дразнило пронизывающим ветром, который не мог выветрить из головы кислый настрой. Пепел шагал по перрону без шапки, в распахнутом пальто. Но традиционная родная морось, оседающая на лбу, губах, волосах, была холодна – и все: не облегчала она ни чугунного звона в ушах, ни налитых свинцом век.

И, хотя сам себе запретил вспоминать, память, издеваясь, принуждала сравнивать здешнее свинцовое небо с лазурным небом Сиднея. Здешние скудные фантики рекламных стендов с тамошним фейерверком зазывающего неона... А далее память услужливо рисовала сцену – как из-за обтянутого зеленым сукном стола разом поднялись и ушли все игроки, стоило на горизонте появиться незнакомцу в смокинге. А Пепел не свалил, и рубились они до пяти утра. И Пепел проигрался подчистую. И малым утешением для «мистера Сержа» оставалось то, что, как позже шепнул крупье, судьба свела Сергея за партиями в баккару с фокусником номер один земного шара Дэвидом Копперфильдом.

– Куда едем? – прилип охотящийся на клиентов таксер с нетипичной для водил стрижкой ежиком.

– Я – пешком, – вяло отмахнулся Пепел.

– По самой дешевке подброшу! – чуть ли не за полу пальто попытался ухватиться таксер. Складки на лбу делали его фейс шарпеевидным, не человек, а бойцовая псина.

– Отвали, – посуровели глаза Пепла. – На «дешевку» лови дешевку.

До дома пешком было часа полтора, но не целился Пепел домой. Двое знакомцев, задолжавших Сергею приличные суммы, оказались по мобильникам неуловимы. Пришлось поймать третьего, обязанного сущим пустяком – соткой баксов.

В первой подвернувшейся букмекерской конторе Пепел взял линию, пробежал глазами, когда ближайший матч – через пять минут. Уж легче. Пепел выгреб наличность. Приходилось ставить в белый свет, как в копеечку. Вспомнился толковый базар попутчицы-Тани, которая, не по-детски и не по-женски секла в футболе, а не кидала понты с пьяных глаз. Вспомнился и прогноз Тани на сегодняшний матч между командами с севера и юга таблицы. Девушка была уверена, как ни странно, в победе юга. Пепел глянул на безумный коэфф – 1,5:18 – и осознал, что заморачиваться на 1,5 не имеет смысла. Значит, либо он не только сегодня без мяса, но еще и неопределенное время курит бамбук, либо... Он поставил.

Следующие полтора часа приподняли Пепла ровно в 18 раз. Теперь можно было садиться за карты.

* * *

Пацаненок лет тринадцати, в настоящих адидасовских кроссовках, фирмовых джинсах и ярко-красной футболке «Феррари» (осень – пофиг), бодро шагал по гулкому двору-колодцу одного из домов на улице Декабристов. Впрочем, бодрился он только с виду. Двор размером с комнату в сталинском доме считался штаб-квартирой местной малолетней шпаны. Ночевали сии гардемарины по чердакам и подвалам, брезговали мойкой машин и разноской газет,

предпочитая старое верное карманничество – благо, до Апрашки, вотчины мелкого питерского криминала, рукой подать.

Дворовый авторитет, шестнадцатилетний Болт, и его ближайший сподручник Нарк мгновенно засекали нарисовавшегося на их территории модно упакованного, явно привычного к хорошей жизни малолетку. Да и сам он шхериться не торопился. В этот ранний вечер вся компания уже вернулась с работы (Алёнке на службу было рановато – единственная затесавшаяся среди них девица, Алёна, щуплая блондинка четырнадцати лет, занималась известным промыслом на Московском вокзале) и тусовалась во дворе. Взгляды команды остановились на дорогих кроссах, перешли на джинсы, и добрались, наконец, до менее интересного – блондинистой головы, с зелеными, наглыми, уверенными глазами. А во двор даже жители самого дома выходить опасались...

Наметанным глазом «гость», и сам не из простых, определил главного. Тут же профессионально потушил взгляд, что было отмечено всеми присутствующими, подошел к художественно расписанной матом скамейке, и, честно и преданно, но с достоинством глядя в глаза Болту, попросил:

– Можно у вас здесь перекантоваться недельку?

Болт передал в сторону ополовиненный полуторалитровый пластик «Степана Разина»¹, затянулся сигаретой:

– А что за фигня?

– Да вот, приходится тихориться.

– От кого, спрашиваю?

– Ясен пень, от шнурков, – вздохнул гость, стараясь не замечать грязные патлы потенциального вождя. Да и от лидерской футболки «Гражданская оборона» шмонило за версту рыбьим жиром.

– А... – протянул Болт, – ну хорошо, допустим, мы тебя пока присоседим. А что с этого будем иметь? У нас тут каждый при деле. Все в общий котел несут. А с тобой, глядишь, не поимеешь, а потеряешь... – Болт красиво выпустил колечко дыма.

Малой справа глотнул пиво, и оно смачно булькнуло в пластиковом плену. Нарк вынул баклагу из руки державшего и тоже приложился. На окружающих рожах проступила неприязнь, Болт презрительно хмыкнул, в который раз оценивая прикид пацана. Остальные в разговор пока не вмешивались. Болт – главный, извольте соблюдать субординацию. Пацан и не собирался протестовать.

– Ну да, да... Всё верно. Но есть одна бодяга...

– Что за бодяга?

– Предки у меня – психи... Матуха из дому выгнала, хряй, говорит, отсюда, чтоб не видела тебя больше. Ну, я что? Меня уламывать не надо. Взял и умотал. Заодно хоть видеть их не буду...

– Ну, а лаве причем? – поторопил Болт и вернул пиво в руку. Пластиковая тара теперь одновременно выглядела как скипетр и держава.

– Да психи – предки – говорю же! Сами подальше послали – думают, вернусь скоро, чистый, исправленный и с одними пятерками в дневнике. А я вот недельку проваландаюсь, другую... И – медведя вам лысого, не возвращаюсь! Ну, зато, когда изведутся в волю, во всероссийский розыск подадут, тут-то я их и порадую. Ну, батя от щедрости баблом осыплет.

Малой справа чиркнул сквозь зубы плевком рядом с кроссами новичка, это было похоже на предупредительный выстрел в воздух. За ближайшим окном во всю горланил телевизор, какое-то ток-шоу. По двору к мусорным бакам, подозрительно озираясь на компашку, прошаркала патлатая старуха, вытряхнула ведро, из-под ее шлепанцев шугнулась помойная

¹ Хорошее пиво

кошка. Нарк запустил в зверя щепениной и промазал всего треть метра. Болт красиво выдохнул следующее кольцо дыма.

– Дебил, – пожал плечами Болт, понимавший, что пацан не гонит – семья и впрямь на бабле, видно и по прикиду, и по манере, – лучше бы наплел, что тебя похитили. По ящику об этом триндят с утра до вечера, вот ты бы и сканал под шухер. И капуста под шумок состриг. Фуру...

– И, правда! – обрадовался новенький, – что-то я уже не рублю ни фига... Точно, надо производить их неделю, а потом – звонок: берите вашего сыночка с потрохами, только кейс с бакинскими – туда-то, тогда-то! Йес! – новенький сделал жест кулаком, будто качает гирию.

– Ну, тогда вот что я насчет тебя решил, – Болт хлебнул пива и пустил пластик дальше по кругу, притушил сигарету, – оставайся пока у нас. Требовать по ходу многого не станем. На рынок не потащим – не самоубийцы, все дело завалишь.

На этих словах гость расслабленно улыбнулся.

– Но... – продолжил Болт после паузы, – всё записывается тебе в долг. А долг надо будет вернуть, когда папу разведешь. Наши гарантии – предупреждаю, чтобы ты сразу понял – если вздумаешь натянуть и на бабло опрокинуть, ставим твоего батю в известность. Всё понятно?

Новичок согласно кивнул. Малой справа чвыркнул сквозь зубы подальше от кроссовок гостя, и это выглядело, как отбой воздушной тревоги.

– Ну, вот, – подобрел Болт, – так что встречайте новенького.

– Эй, новенький, – кокетливо позвала Алёнка, – садись рядом, что ли. А что это у тебя за маечка такая симпотная?

– Это – с «Феррари», я из фанатов, – многозначительно объяснил пацан, тут же раздувшись, как индюк, – настоящая, батя из Италии привез. За примерное поведение... Эх, вот поехать бы на гонку! – замечтался папин сын, – вытяну бабла из папаши, может, и получится. – Пузырь пива дорисовал круг и очутился под носом новенького. Тот принял пластик в руку, не рискнул брезгливо протереть многократно обслюнявленное горлышко хотя бы ладонью и выплеснул теплые остатки в горло.

– Э-э-э, – засмеялся Болт, – да ты, дитятко, с жиру бесишься! Какой у нас, в кои-то веки, денежный мешок завелся!

– Слышь, мешок, звать-то тебя как? – спросила Аленка.

– О! – обрадовался Нарк, – имени не надо. Замётано. Мешком будет.

Новоиспеченный Мешок уселся рядом с Аленкой, которой он сразу понравился, и закурил.

* * *

– Здравствуйте, – с приклеенной улыбкой поприветствовала Пепла девушка в абрикосом костюме. На груди беджик, где крупно: «Казино „Пьер“ и мелко имя плюс фамилия.

– Карты в какую степь у вас? – вяло любопытствовал Пепел. В этом заведении он мелькал впервые: по старой примете игрока, который свято верит, что первое посещение – самое хлебное. Суверен Пепел не был, но традиции чтит. Особенно, когда в карманах почти ветер.

– Второй этаж, пожалуйста, – прощбетала девушка.

Пройдя череду игровых автоматов, зарегистрировавшись и молча улыбнувшись на просьбу сдать оружие в камеру хранения «если оно у вас есть», у лестницы Пепел чуть не сшиб мужика с клюшкой, который, непонятно с какого ляду, замахнулся своим спортивным снарядом. Многолетняя привычка сработала, как часы, Пепел подобрался, сжал кулаки... Мужик продолжал бычиться с поднятой клюшкой и бессмысленной ухмылкой на красной

пропитой харе. «Значит, пока я путешествовал, гипсовые куклы не вышли из моды. Ну, здравствуй, Санкт-Петербург», – Пепел стал подниматься по лестнице, но мутноватый осадок дурных предчувствий всколыхнулся где-то в затылке.

Налево – ресторан и бар, снующие официантки, к стойке подошла и приклеилась беременная дамочка – наплевать ей, что ли, на статистику рождения гидроцефалов? Слева – бильярд, рулетка, чуть дальше – карточный стол. «Эх, сейчас бы засесть в кабаке, и чтоб титястая цыпочка принесла шмат дымящегося мяса, политого желтоватым чесночным соусом, а на гарнир – кус картофельной запеканки с луком и грибами». Деньги были нужны уже сегодня, сейчас, срочно, имеющиеся – \$1800 – реальными деньгами назвать трудно. «Срублю бабла – и в кабак», – решил Пепел. Будто забыл о том, что шкуру заранее не делят...

За карточным столом собрались игроки. Мелькнули и знакомые лица. И те, кто сейчас ласково приветствовали Пепла снисходительными усмешками, добродушно похлопывали по плечу, на самом деле были озабочены только одним – как переложить его деньги в свой карман. Впрочем, ему, Сергею, тоже нужны только их деньги, так что...

Став за спиной брыластого бизнесмена, сдуру объявившего большую игру, Пепел злобно думал о том, что есть в картах некая высшая справедливость. Этот пассажир, сколотивший капитал на купи-продай, из дешевого понта заделавшийся игроком, обязан поделиться с другими. Сейчас бизнес подсядет, как пить дать.

Сергей не видел карт на руках остальных, но легко читал по глазам, у кого какой стрит. Суммы на столе копилась в самый раз, крупный проигрыш насторожит барыгу и вынудит уйти, а вот мелочевка... Вполне достаточна для того, чтобы приподнять вон того, совсем юнца, которому уже давно смертельно надоело сидеть за зеленым сукном. Этот свалит, как только накопит на ужин и девку, думать кадету уже надоело. Бизнесмен разозлится, юнец исчезнет, Пепел займет освободившееся место. Изрядно пощипанный делец поначалу станет осторожничать. Такие не могут сразу швырнуть на сукно все. К этому их приходится подводить, изматывая мелкими поражениями и Пирровыми победами. Впрочем, у самого Пепла сегодня финансы пели популярный романс «А напоследок я скажу» голосом знаменитой «цыганки»...

Юнец забрал фишки и отвалил к кассе. Пепел сел играть...

Через два часа в ресторане повара уже разделявали мясо, предназначенное на ужин победителю, жаль, вспрыснуть водкой нельзя, бес попутал прикатить на игру, экономя на тачках. Последний раз Пепел ел в самолете, дальше были только курица и пойло. В ожидании заказанного мяса, Пепел автоматически прокручивал в голове свое звездное каре. Жаль, что с Копперфильдом судьба усадила играть в малознакомую баккару, а не скоростно обрусевший покер. А вась, не с пустыми карманами тогда вернулся бы Сергей в питерский негостеприимный октябрь.

Сейчас он влает поамает, и баиньки. Все остальное завтра. Завтра подключит «Нокию», где нынче на счету абонента «меньше пяти долларов», завтра повидает Ингу, небось, заждалась, завтра перетрещит с пацанами насчет бани на Марата.

– Эй! Ты даму трэф из манжета достал, – раздалось над ухом. Брыластый барыга был пьян в сосиску, но наезжал конкретно. – Т-ты с левой дамой каре объявил. А Бог сказал делиться. Логично? Вывод – гони процент, за то, что я шум не поднял.

– Гуляй, – спокойно отозвался Пепел, – Я жрать хочу, – конечно, Сергей умел вытворять финты-вольты и покруче, чем даму из носка, но сегодня играл чисто. К тому же в последней сдаче барыга пропасовал на первом круге, поскольку «опустела без лавэ земля», так что по всем законам оставался лишним.

Но мужик гулять не хотел. Взбренило ему развести Пепла на бабки, и настрой у бизнеса был весьма решительный. В невнятном монологе: «Логично?.. Вывод!.. Логично?.. Вывод!...», сквозь обильный русский мат прорывались имена мелковатых братков и обеща-

ния натравить крышу. В общем, – обычный базар наклюкавшегося частника, который корчит из себя крутого. Пепел затосковал, отвязаться без членовредительства было маловероятно.

Пепел оценил обстановку: кабак почти пустовал. За дальним столиком сиротливо роняла слезы в стакан грудастая девица, периодически прихлебывая жемчужно-синий, какого-то мушиного цвета, коктейль; двое пацанов тянули пиво с гордым видом мальчишек, впервые оказавшихся в злачном месте, да время от времени, широко размахиваясь обтянутыми синим задами, лавировали между столиков малолетки-официантки. За стойкой маячила всё та же беременная баба.

– Т-ты, гад, ш-шулер ... Логично? Я знаю ... Вывод – гони процент! Ш-шулер ты!..

У Пепла зачесались кулаки. А мужик не унимался. Уже были упомянуты левая колода, подкупленные крупье и поддельные фишки.

– Да я ж тебя, гада, ща сдам! П-пойду и сдам. Ты меня кинул.

Пепел приподнялся и почти заботливо ткнул кулаком бизнесмену в солнечное сплетение. Тот тихонько охнул и осел на стул. Чисто сработано. Осталось только пересесть за другой столик и спокойно поужинать.

Но видно, фортуна в этот вечер перепила и была особенно переменчива: подкачала грудастая девица, грохнула стакан о стол, расплескав ядовито-синию химию, вскочила и заверещала:

– Проклятая страна! Здесь хоть кто-нибудь соблюдает законы? Милиция! Тут человека убили!

В зал заглянула озабоченная официантка. Грудастая продолжала выть ментовской сиреной:

– В свободной стране его бы уже арестовали, – захлебывалась она, указывая костлявым пальцем на Пепла, – а здесь не успеешь в ресторан прийти, как тут же кого-то грохнут! Я работаю за гроши, – объясняла она подоспевшим халдеям, – а вы жируете на мои налоги. Меня эта страна обирает, а еще и закона нет. О! Если бы я жила в Штатах! Там настоящие мужики, а вы тут не можете преступника поймать.

Вопли грудастой разносились по всему этажу, но Пепла они уже не касались, он угрюмо топал мимо гипсового болвана с клюшкой, и не стоило устраивать разборку: себе дорожке светиться лишней раз.

У входа в казино «Пьер» сиротливо притулился фургончик скорой помощи. Отметив это, и автоматически усмехнувшись так и не отведенному качеству еды в ресторане, Пепел без помощи швейцара захлопнул за собой дверь покинутого здания. Ну и пес с ними. В Питере хватает уютных уголков, где можно утолить голод одинокому волку.

Однако череда нелепиц, уготованных Пеплу на этот вечер, еще не закончилась. Не успел Сергей открыть дверцу по доверке переписанного на него «Пежо» (итог одной короткой майской ночи за карточным столом в «Прибалтоне»), как из дверей кабака вырвалась беременная баба, та самая, что хлестала пиво, любуясь отражением в лакированной стойке. Баба оглянулась и рванула к Пеплу. У самой машины она согнулась пополам и, ухватившись за локоть Пепла, жалко залепетала:

– Помогите! Кажется, началось, – лицо будущей мамы было бледно-зеленым, на лбу выступили капли пота, – отвезите в роддом, пожалуйста.

Сергей мысленно выматерил и дуру, которой под пивасик вздумалось рожать, и придурка, который позволяет жене шляться в таком состоянии по кабакам, и свои способности находить приключения на задницу.

– Вы, похоже, человек приличный, – продолжала беременная, – не оставите же вы меня в таком виде ночью на улице...

Косым зрением Пепел просканировал фургончик скорой помощи. Тот не подавал признаков жизни, возможно, санитары сейчас просаживают нетрудовые доходы одноруким бан-

дита, а еще вероятней, шофер поставил транспорт на ночной прикол и наблюдает третий сон.

– Давай в машину, – сквозь зубы процедил Пепел.

Баба осторожно протиснулась на заднее сиденье.

– Куда ехать-то?

Глаза женщины испуганно распахнулись:

– Я не знаю!

– Чего?

– Ну, то есть, я не знаю, где дежурный роддом... Меня муж куда-то записывал, и мы платили заранее, только там, наверное, закрыто ночью... А телефон я наизусть не помню.

Баба то ли страдала непроходимым тупизмом, то ли с перепугу ничего не соображала. А, скорее всего, просто напилась в неподходящий момент.

– Адрес помнишь? Не дрейфь, медицина у нас круглосуточная везде.

Пепла вряд ли кто бы рискнул наречь персонажем робкого десятка, но при мысли о том, что сейчас эта пьяная мымра разродится прямо в тачке, у Сереги задрожали руки. Нужно было как можно быстрее от мадам избавиться. С заднего сиденья донесся тихий стон и какая-то возня. «Блин, – подумал Пепел, – довезу ее до ближайшей больницы, пусть дальше врачи разбираются». Ближайшей была Мариинка. Пепел газанул и порулил к Невскому.

На повороте Пепел вдруг почувствовал холод ствола, упершегося ему в затылок. «То, что доктор прописал», – подумал Пепел, осторожно косясь в зеркало. В жизни любого картежного профессионала настает такой момент, когда его хотят избавить от выигрыша по статье «грабеж». Сейчас гражданочка укажет маршрут, в пункте «Б» которого дожидаются подельники с кистенями.

– Ты со своими корешами бабки на троих-четверых делить будешь, а я готов пополам, – затоковал Сергей тетеревом, одновременно решая три задачи: заговаривая зубы; прикидывая, где тормознуть, чтобы половчее вывернуться из-под пушки; и пытаюсь выведать, сколько у наездницы подельников.

– Не останавливайся, – командным голосом приказала баба, левой рукой достала из-под свитера накачанный воздухом и перетянутый парикмахерской резинкой пакет, и представилась, – капитан Павлова, уголовный розыск. Едешь прямо, через два поворота налево, в отделение.

Пепел заржал искренне и раскатисто. Выдавать себя за серых – милое бандитское дело: клиент перестанет рыпаться и упустит последний шанс уцелеть неошипанным.

Баба, правильно прочитав смех, небрежно сунула Сергею в нос ментовскую ксиву. Пепел мысленно выматерился, на понт его явно не брали. Самым резонным в сложившейся ситуации было не лезть на рожон, приходилось повиноваться. Дальше – действовать по обстоятельствам.

Пепел притормозил у отделения ментуры, знакомого ему еще со времен нежной юности. А дальше началась знакомая торжественная церемония – заламывание рук, бряцанье защелкиваемых браслетов на запястьях, шмон... Причем, когда бабки выгребли из карманов, никто их записывать в протокол не поспешил.

* * *

Валерий Константинович Лунгин, владелец сети меховых салонов, мирно оттягивался в командировке. Эта командировка звалась Светланой и была особенно хороша во второй половине «Камасутры». «Поездки на Север в поисках новых поставщиков» протекали в разных местах Питера. В текущий же, так сказать, момент Валерий Константинович уго-

щал студенточку Светлану коктейлями в «Магрибе», ничуть не рискуя быть застигнутым на месте преступления скучной подругой жизни.

За несколько лет безбедного быта Иветта Соломоновна расплылась и потеряла в глазах мужа последнюю привлекательность. А вокруг – так много молодых, длинноногих и нищих девчонок. И любая готова пасть в объятия холеного сорокалетнего бизнесмена. Валерий Константинович, полуразвалясь на диванчике, любовался соблазнительными Светкиными формами и прикидывал в уме, не продлить ли свое пребывание на «северах» на недельку-другую. Мелодия Турецкого марша, исполняемая мобильником, прервала эти в высшей степени приятные раздумья.

Вызов шел с домашнего номера – Иветта Соломоновна имела нехорошую привычку звонить супругу, когда не помогало снотворное. Очевидно, подозревала неладное. Впрочем, перспектива разборок с женой, которая наверняка расслышит звуки кабачной музыки и замучает вопросами, где это он развлекается, была не так уж страшна. Ругнувшись вполголоса, Валерий Константинович полез в карман за телефоном. Светка, конечно, тут же состроила надутую мордочку, но Лунгин на девичьи ужимки много внимания обращать не привык. Только сделал ей рукой знак, чтоб молчала.

Лунгин решительно пробасил в трубку:

– Алло.

Действительно, звонила жена. Только совсем не затем, чтобы вынюхать, не пошел ли Лунгин по бабам. Она так вопила в трубку, что Валерий Константинович не сразу понял, в чем вины. Но факт, что случилось нечто нетривиальное, просек сразу.

– Павлика нет! Павлика! – кричала Иветта, – Валерик, возвращайся срочно, я без тебя совсем ничего не могу! – и далее путанный пересказ произошедшего.

– Я еду домой, – пообещал Лунгин.

Ситуация вырисовывалась такая, что надо было немедленно мчаться к Иветте, прямо сейчас. Плевать на то, что она расшифрует «недалекость» командировки. Сейчас им не до того. Оставалось только отслонявить Светке, чтобы не бычила, привычный столытник бачей – а впрочем, и пятихатки деревянных с нее хватит, на большее сегодня не наработала – и сесть в машину.

Лунгин был крепким мужиком, которого мало что могло испугать. Но сейчас страх сам прилипал к нему. Какая-то мразь увела сына прямо из школы. Лунгин перебирал в голове всех своих врагов и конкурентов, мечтавших, чтобы его лисье-ондатровый бизнес накрылся раз и навсегда. В принципе, заказать похищение ребенка мог любой. В таком случае волноваться, пожалуй, рано.

Раздастся телефонный звонок, голос назовет нужную сумму. Лунгин останется без пыжиковых штанов, но Павлика ему вернут. Никто из конкурентов не рискнет убивать или калечить ребенка. А вот если кто-то нищий и отчаянный хочет просто срубить бабок по-легкому, вытянув их из богатого Буратино-Лунгина, пацану не жить. Лунгин чуть не врезался в синий «Рено-символ», ломанув на красный свет; резко выкрутил руль и проскочил буквально в миллиметре. Где-то позади раздался скрежет тормозов и глухой звук удара. Похоже, кукольного вида блондинка не справилась со своей тачкой и впилилась в столб.

Лунгин мчался домой, автомобильные дворники смахивали бисер дождя с лобового стекла. Нужно было успокоить Иветту, узнать, как все произошло, подробней. Звонили ли похитители? Что требуют? И, самое главное, просчитать – как действовать дальше. Менты отпадают. Кому кидаться в ноги? И совершенно не хотелось думать, что история как-то связана...

Были у Валерия Константиновича кой-какие побочные источники дохода, помимо торговли норковыми и бобровыми шубами. Ну, и проблем с этим вторым, тайным бизнесом тоже хватало. Просто так большие деньги в руки не получишь. Малолеток по кабакам тас-

кать – удовольствие, конечно, немалое. Но у Лунгина подрастал смышленный пацан. Которого нужно вырастить, выучить и человеком сделать. Валерий Константинович, выходец из первых российских кооператоров, мечтал оставить сыну большое и развернутое дело, требовавшее, ясен день, таких огромных вложений, какие и не снились продавцу шапок из дворянги.

Дверь Валерию Константиновичу открыла перепуганная старушка-домработница. По всей квартире воняло валерианкой. Иветта лежала медузой на диване в гостиной и рыдала.

– Валерик! Они не звонят! Сделай что-нибудь! Они не звонят!

Жена билась в истерике. Да и самого Лунгина внезапно бросило в пот. А жена, захлебываясь соплями, как граммофонная пластинка, повторяла и повторяла. Неизвестно кто среди бела дня пришел в школу и, представившись родственником, забрал Павлика. И ребенок спокойно ушел с чужаком. (Учительница, вышколенная, как ротвейлер, естественно, не отпустила бы пацана с незнакомым мужиком.) С тех пор мальчика никто не видел. И вся эта петрушка совсем не походила на обычный киднеппинг. У Лунгиных просто украли ребенка, и все. Ни звонков, ни записок.

Лунгин бросился к компьютеру. Но в электронном ящике было полно спама и прочей мути, и – ничего от похитителей.

– Вета! Звонить ментам? – сказал, обращаясь скорее к себе самому, чем к жене, Валерий Константинович.

Жена распахнула опухшие от слез глаза и запрочитала, что нельзя рисковать, нужно ждать, никуда и никому не звонить.

– Они сами позвонят, обязательно! Это нас просто пугают! Ведь этим людям нужно получить свои деньги, а ты – смелый. А может, Павлик за городом, и там нет телефона. А они приедут в город и позвонят нам. Валерик! Как же мы теперь будем жить, ведь они возьмут все наши деньги? Все! И Павлик пропал! Я просто с ума сойду из-за этих подонков.

Лунгин недобро усмехнулся, даже сейчас ее волновали деньги. Хочет и ребенка вернуть, и продолжать кататься, как сыр в масле. До утра, или до вестей от похитителей Павлика, можно было совершить только один звонок, не рискуя навредить сыну. Лунгин широко перекрестился и набрал несколько цифр – телефон Владимира Борисовича Савинкова.

* * *

Мент, типичный представитель, в клетчатом свитере под полурастегнутым кителем, с мятой «Примой» в зубах, пропахший домашними бутербродами с паштетом, окинул Пепла рыбьим взглядом и представился:

– Майор Горячев, – и уточнил «для протокола». – Ожогов Сергей?

– Пепел мрачно кивнул.

– Просьба отвечать на вопросы устно, «да» или «нет».

– Он самый, – согласился Пепел, – на каких основаниях?..

– Вы задержаны, – скучно проскрипел гландами майор, и секретарь в углу затрещал на старомодной пишущей машинке, – по подозрению в совершении, с отягчающими, по полной программе. Советую чистосердечно во всем признаться. Прямо сейчас.

Оп-паньки! Что происходит? Съездил за бугор, называется!

На какое-то мгновение Пеплу показалось, что он все еще едет в ночном поезде, и во всем творящемся вокруг безобразии виновата ризлтерская водка. Или даже больше – водка была совсем плоха, и откинулся он, Серега Ожогов, сам того не заметив. А теперь идет по загробному этапу, уж больно эти менты на чертей похожи. Особенно – псевдобеременная капитан Павлова.

Майоришко между тем продолжал нести какую-то туфту о похищенных детишках, которых Пепел держит неизвестно где и подвергает нечеловеческим пыткам. А устроившийся рядом, не назвавший себя старлей поддакивал. Пепел попадал в разные передраги, каких только собак на него не вешали, но вот за маньяка пока никто не принимал. Разве какая девчонка после бурной ночи шептала на прощанье в смысле: «Ну, ты – ваще даешь!». Так то – дело другое, деликатное.

– Колись, чмо! – лениво рявкнул майор Горячев, – Где дети?

– Гражданин начальник, – спокойно начал Пепел, – Ошибочка вышла. Я ж только сегодня в город прикатил. Законным путем – в купейном вагоне.

– Заливаешь, Ожогов. Ой, заливаешь! Тебя, бычара, позавчера корешок твой один в казино на Гражданке видел. А пять дней назад ты, падла, ошивался во дворе дома номер пятнадцать по бульвару Новаторов. Пил пиво «Тинькоф» и угощал детвору чипсами «Эстрелла».

– А на следующий день, – алаверды подхватил старлей, – ты пришел в элитный лицей, который посещает Костя Симутин, пятнадцати с половиной лет от роду, проживающий по адресу Новочеркасская, шестнадцать, квартира 233. Ты представился новым охранником Симутиных, запудрил мозги телашу Поприщенко и увел хлопца прямо с вокального урока. С тех пор Костю никто не видел!

Дело – гнилое, шито белыми нитками. Просто – ловят похитителя несчастного Кости, всех блатных, подходящих под приметы, шерстят. Отмыться – раз плюнуть. Сейчас позвонят на вокзал, ну, может, проводницу порасспрашивают для порядка. Только вот выигрыш немалый потребуют подарить на компьютерное обзаведение. Это же надо – влетел в ментуру не раньше, не позже, причем по чужой милости.

– Гражданин начальник, – мирно начал Пепел.

– Не гражданин начальник, а товарищ майор! – огрызнулся Горячев.

– Товарищ майор! Я месяц торчал за бугром. О чем имеется полная отчетность в моем совершенно натуральном заграничном паспорте. Виз там поболее, чем у вас звезд на погонах. Вы изъятый паспорт-то пролистните, да и билетик там железнодорожный под обложкой... А это значит, что ни на Гражданке, ни на Новаторов меня никто видеть не мог...

– На Новочеркасской, – поправил старлей.

– Не учи меня работать, дерьмо собачье! – вскинулся майор Горячев, – Твой фоторобот уже по всем отделениям разослан. А в компьютере аэропорта Шереметьево имеется информация о том, что прилетел ты 25-го числа прошлого месяца, то есть ровно двенадцать дней назад. Что касается Московского вокзала, там, представь, тоже компьютеры имеются. И мы прекрасно знаем, что в столицу ты укатил как раз в тот день, когда исчез несовершеннолетний Костя Симутин. Следы заметал, Ожогов! Да только киднеппер из тебя хреновый получается. Засветил ты свое табло!

– И Поприщенко тебя видел, и одноклассники Инны Смирновой, второй твоей жертвы. – Нервно потер ладони старлей. – И даже на лестнице дома номер 7 по улице Гороховой, откуда ты увел Ленночку Садикову, пенсионерка Наталья Григорьева в глазок твою харю хорошо рассмотрела, – «Рост средний, глаза серые со стальным отливом, особых примет не имеется...», – когда ты, как юный пионер, квартиру перепутал, и ломанул похищать старушку, божий одуванчик, вместо девятиклассницы Лены.

– И, коли надо, остальные свидетели сыщутся. Сейчас вопрос только в том, сколько эпизодов мы докажем, а от скольких ты открестись. Сколько детишек заарканил?! – стукнул по исцарапанному оргстеклу майор, – Одиннадцать? Четырнадцать? Семнадцать?

Костя, Инна, Леночка... Компьютерные глюки в Шереметьево. Какая-то бдительная карга за дверью. Пепел вдруг кожей почувствовал, что влип. И круто. А майор заливался соловьем:

– Статья у тебя расстрельная по всем пунктам. Правда, со смертной казнью нынче напряженка, но это ерунда. И если ты, гнида, не выложишь, где держишь детей – до суда не доживешь, даже Шрам не поможет! Ходок ты опытный, знаешь, как это делается. И имей в виду – умирать придется долго и мучительно, успеешь помечтать о расстреле по приговору. Времени на размышления – до утра. Сейчас мы тебя проводим в кунсткамеру, а к началу трудового дня сюда придут свидетели.

– Опознают тебя, и – готово. – Не смог промолчать не назвавший себя старлей.

Дело принимало совсем крутой оборот. Для того, чтобы приподняться на шальной выигрыш Ожогова, опера не сочиняют детективов с похищенными мальчиками. Просто – привозят в отделение, бьют морду для острастки, отбирают бабки, и – отпускают. Придется, видно, ночевать на нарах. Мент объявил, что Пепел арестован, в дверях замаячил конвой... Залетел ты, Сереженька, похоже, всерьез и надолго. За чужие грехи.

Тренькнул телефон. Майор поднял трубку и – разве что по стойке смирно не вытянулся, видать, большой начальник в ночи побеспокоил. А майор Горячев между тем лепетал, испуганно косясь в сторону Пепла:

– Да, да, у нас. Конечно, конечно, я понимаю... – Подобострастно распрошавшись с неведомым собеседником, мент рявкнул, избегая прямо смотреть на Пепла:

– Садись к столу!

– Зачем? – с искренним любопытством поинтересовался Пепел.

– Подписку о невыезде писать! – отрезал мент.

– Сначала положено изъятые вещи вернуть и копейку немалую, в протокол которую внести забыли. – Мирно улыбнулся Пепел. – Да и браслетики не худо бы скovyрнуть. Иначе как я напишу-то?

По выражению сине-зеленого мурла начальника было ясно, что вопросов лучше не задавать. Похоже, кто-то только что отмазал Пепла, но что за отец-благодетель? Или у этих дятлов выплыли новые улики? Впрочем, сейчас все это маловажно.

– А сколько у тебя денег при себе было-то? – съехидничал старлей.

– Три штуки с хвостиком. Понятно, в бакинских.

– А кто ж это видел?

– А когда в казино фишки меняли, по чеку пробили.

– А вдруг ты, по лестнице спускаясь, половину рассыпал? Или чаевые с барского плеча швырнул?

– Отдай ему до копейки, – с выражением, будто вдруг прихватило зубы, приказал старлею майор.

– ...Пепел! – окликнули его, только за спиной остались негостеприимные выкрашенные с подтеками в грязно-зеленый стены отделения.

Чахлый дождик рябил отражение фонарей в лужах. «Пежо» стоял рядышком – семь метров до лужи, но было бы нелепо ожидать, что мытарства на сегодня закончились, Сергей обернулся, ожидая увидеть комитет по встрече, ориентировочно, из четырех-пяти человек-ков-шкафов. Он прогадал – его оценивали ниже: двое парней-шестерок под зонтами караулили недалеко от выхода, третий распахивал дверцу зеленой «Ауди», умудряясь делать это одновременно гостеприимно и угрожающе.

– Проедемте с нами, – дружелюбно попросил один из крупногабаритных шестерок, приближаясь к Пеплу и как бы приглашая нырнуть под зонт.

– Не горю желаньем, – возразил Пепел. Понятно, от приглашения не отвертеться, но Сергею были интересны полномочия гонцов.

– Я настаиваю, – ласково, но, очевидно восторгаясь собственной значимостью, возразил бритоголовый, – для Вас – особое приглашение. – Боец многозначительно похлопал по бедру, намекая на ствол за поясом.

– Кто? – коротко разжал губы Пепел. Готовы шмалить рядом с отделением, или раздувают жабры?

– Савинков. Владимир Борисович.

– Извольте знать? – поддакнул второй.

– Не имел чести познакомиться, – в тон ответил Пепел, подходя к машине.

В салоне пахло бренди и одеколоном с претензией на дороговизну и понтовость. Один из парней, совершенно беспочвенно заболевший звездной болезнью, взял покровительственный тон и всю дорогу заботливо утешал Пепла:

– Ну-ну, глаза мы тебе завязывать не будем... Не кури, это вредно для здоровья, – пока водила, видимо, главный среди этого шестерья, не цыкнул:

– Заткнись, – коротко и доступно.

Пепел ехал в чужой тачке и безрезультатно пытался разложить ситуацию по полочкам. Делать ноги даже рыпаться не стоит. Вопрос не в том, что быки размажут по салону и не поморщатся. Так – ничего особенного, слабаки, пусть стволы у них, небось, не слабые. Зато и ежу понятно, что организовал важный звонок майору именно господин Савинков, именно ради этой встречи, через свои контакты, может, по депутатской линии, а может, в прокурорских массах. А значит, этот широко известный в узких кругах персонаж заинтересован, чтобы Пепел пока погулял на воле. И сейчас Пеплу выставит гамбургский счет за услугу.

Хата, в которой Пепел оказался через двадцать минут, по всем статьям должна была давить размахом. Оценить ее габариты из холла, куда его уже без церемоний втолкнули, не представлялось возможным. Но, похоже, это была одна из тех квартир, которую завистливый обыватель попытался высмеять в анекдоте про угол, где ненавязчиво стоит аквариум с плещущимся ручным бегемотом. Бегемота, правда, не продемонстрировали. Зато в мягком кресле полусидел-полулежал мужик лет сорока в безупречном костюме от Баршай и шлепанцах на босу ногу.

Холеная морда, масляные глазки. Когда-то вор в законе, а теперь – большой авторитет по кличке Эсер собственной персоной.

– Что ж ты, Сереженька, детишками-то промышлять стал, а? Нехорошо это, нефтяник. Некрасиво. Вот мне Валера Лунгин позвонил – жалуется, что ты его пацанчика уволок, и денюжат с честной семьи снять собираешься. Всегда ты, Сереженька, плавал мелко, больших дел не тянул, не смотря на почет у Шрама. А сейчас – что, и вовсе спекся?

Эсер вальяжно кивнул, один из бритоголовых ловко ткнул Пепла в грудь. Потом, уже лежащему, добавил с наса по ребрам. Дыхание перехватило, перед глазами поплыли круги – прекрасная работа, очень может быть, Сергей ошибался в машине, считая, что легко справился бы с зазывалами в гости. А откуда-то издалека продолжал доноситься голос Эсера:

– Это – аванс. Пойми, мы шутить не собираемся. Верни мальчика Лунгину – будешь жив... Да! И извиниться не забудь. Мы – люди интеллигентные, можем при случае порассуждать о влиянии гамма-лучей на лунные маргаритки, а можем и голову оторвать по самый брюшной пресс. – Эсер наклонился к Пеплу, – Где Павлик?

– Не знаю.

На этот раз бритая сволочь саданула ногой в пах.

– А кто же знает-то, Сереженька? Ты ж его, как Лесной Царь, уволок неведомо куда. А папа с мамой по нему скучают. Нехорошо, Сереженька, поступаешь. Грех это – маленьких обижать.

Пепел соскреб себя с ковра, и как только бритый приблизился с конкретным намерением, Сергей с левой вправил палачику шнобель в обратную сторону...

Через четверть часа крепко избитый (правда в лицо не били – значит, отпустят) Пепел знал точно: нет никакой ошибочки и случайности. Его подставили. Причем – капитально. Кто-то, прикрывшись Пеплом, которого и в городе-то в тот момент не было, похищает детей.

И – неизвестно, на кой шиш. Если Валерий Лунгин – человек состоятельный, способный отчислить за ребенка немалые бабки, то родители Инны, Лены и прочих несчастных – голь перекатная. Из тех, кому честный вор, сдуру вскрывши нищую хату, еще и денег на пропитание оставит. И еще врубался Пепел, что его не пристрелят. Во всяком случае, не сейчас... Можно, конечно, опять понтонуться, выкинув что-нибудь лихое, хоть на ковер плюнуть. Все равно не грохнут, и даже инвалидом не сделают. Но он-то – не малолетка шутихи пускать.

– Девочек твоих пусть милиция ищет, – Эсер принципиально по фене ботал только с подельниками, или на зоне, даже назвать опера ментом или мусором брезговал, такая пошла у авторитетов мода. – А мальчонку верни, сроку – три дня. Очень уж его папа волнуется. А мне сейчас папа этот очень и очень нужен, так что...

– Слушайте, Владимир Борисович. Я – ничего не знаю. Но могу попытаться узнать...

– Уж ты, Сереженька, уважь честную компанию – узнай. Срать я хотел бы на все твои проделки. Верни Пашу, и дело в шляпе. А не вернешь – пеняй на себя. Добавьте ему, чтоб усвоил, – приказал Эсер в никуда, в его руках возникла хромированная фляжка, взмыла к губам. Эсер выдохнул запахом «Мартеля».

Опять чей-то кулак ткнулся под ребра, уже без былого задора – умаялись гоблины. Или, бздят переборщить? Эсеру нужен Лунгин, у которого пропал ребенок. И этот ребенок якобы находится где-то у Пепла. Пепел стоял молча и пропускал мимо ушей угрозы Эсера. Он выкарабкается, а потом доберется до всех этих гадов. Не так уж силен Эсер, чтобы до него нельзя было дотянуться. Но это – потом, когда Сергей Ожогов найдет канувшего Павлика и разберется с той сволочью, которая ворует маленьких детишек под его именем.

Умирать эта гнида будет долго. Заплатит за все: и за то, что Пепел увяз в дерьме по его милости, и за безвинных детей.

– А вот если щенка замочат – я тебя, огарок, самолично грохну, – разозлился Эсер, – Ты знаешь – я за базар отвечаю. Ни на нарах не отсидишься, ни за кордон не отвалишь, здесь тебе не Колумбия². Канай отсюда. – Не выдержал под занавес модный стиль Эсер. – И чтобы без фокусов!

² Эсер намекает на события, описанные в романе «Пепел и кокаиновый король»

Глава 2. Прививка от бешенства

...Тень бежит за мной вприпрыжку, чуть я только побегу.

Что мне делать с этой тенью, я придумать не могу...

«Моя тень» Роберт Луис Стивенсон

Если бы Сергей впал в немилость к Фрейду и созрел похищать детей, где бы он охотился? На рынках, значит, там и следует искать концы. Правый глаз можно отдать, что ментовский список похищений – только верхушка айсберга, перечень «растворившихся» в никуда малолеток на три контейнера толще. Звездный, Апрашка, Сенька, Ситный, Троицкий, Васька, Пионерка...

Нынче Пепел был прописан на углу улиц Фрунзе и Ленсовета, но ночевать дома бы его и внезапный снежный буран не заставил. Также следовало на время забыть о скучающей перед ментурой машинке «Пежо». Самое вредное сейчас – это хвост хоть со стороны серых, хоть со стороны быков, а от хаты или от машины Пепел становился прослеживаем, как Штирлиц в буденовке на Вильгельм-штрассе.

Рынок «Звездный» встретил обязательной попсовой Музычкой из зазывно распахнутых дверей, запахом шавермы, толкотней искателей халявы и китайской дешевизны. Но здесь в упор не просматривалось ни одного неприкаянного представителя подрастающего поколения, только явившиеся с мамашами, выпрашивающие себе футболки с очередным «Королем и шутком». Пепел подошел к тетке, торговавшей с лотка кепками.

– Ну, молодой человек, не проходите! Хотите чепчик? Вон, с любыми картинками?

Пепел остановился, дружелюбно улыбнулся. Мимо прогремела толкаемая двумя абреками тележка, отгруженный на нее трикотаж возвышался небоскребом и опасно раскачивался. Внизу тюков выбившийся мохеровый шарф подметал асфальт лисьим хвостом.

– Можно, в принципе. – Сергей ткнул пальцем в первую попавшуюся. – Это что, «Ювентус»?

– Да! Ходовая, нарасхват берут, последняя осталась. Сто рублей вся цена.

– Возьму, пожалуй, – с сомнением проговорил Пепел, и, вздохнув, разоткровенничался, – еще в прошлый раз купить хотел, так местные пацаны обчистили карманы.

– О... – тетка изобразила глубокое сочувствие, охотно поддержав разговор, – это бывает!

– Не знаю, я приезжий.

Тележка с трикотажем столкнулась с тележкой, перегруженной школьными тетрадами. Под гортанные выкрики абреков товар пополз под ноги, вместо того, чтобы восстановить статус кво, абреки стали обниматься и счастливо хлопать друг дружку по плечам. Наверное, встретились земляки.

– Ну, ничего, привыкай, – хохотнула продавщица, – Кепку-то возьмешь?

Пепел вытащил жеванный столик.

– Вот молодец! Спасибо! Идет тебе, – сказала она, нахлобучивая кепку на Пеплов лоб, – а о карманниках не бойсь. Всех пацанов перегнали на Апрашку. Это у нас самый бандитский рынок. Сплошные, лишай на их задницу, Соньки-золотые ручки... вся питерская шантрапа там ошивается. Ну и, конечно, на Дыбенко. Сам знаешь. А хотя, ты ж не местный... Короче, все у меня покупай! Здесь не обчистят!

– Спасибо.

Пепел отошел. Брезгливо стянул со лба обновку. Сделанная в Корее, на корейские крохотные головы, кепка была безнадежно мала, и, надетая на Пепла, больше напоминала ермолку.

– Ну, блин! – раздался рядом расстроенный голос, – последнюю купил!

Мальчишка лет четырнадцати тянул мать за руку, кивая на Пепла.

– Алеша, перестань, – шикнула она, – неприлично.

– Да ему все равно мала! Дядь, перепродай, а?

– Чего? – не сразу понял Сергей. Он наблюдал, как братание земляков перерастало в сору. То ли кто-то кому-то, оказалось, сто лет назад плюнул в плов, то ли кто-то оставил с пузом сестру противоположной стороны, да скипнул в большие города.

– Бейсбу!

Пепел молча всунул кепарик в руки настырному отроку, и проигнорировал настойчивые, но притворные просьбы мамыши не дурить и забрать вещь. Абрековского побоища не случилось, стороны принялись собирать рассыпанные товары, мрачно зыряка друг на друга и соблюдая вооруженный нейтралитет.

«Где и как искать пацана?», – гадал Пепел, из конспирации давясь в опохмелочном кафе разваренными сосисками, а не лобстером в манерном ресторане «1913 год». Отодвинул тарелку и закурил очередную сигарету. Если орудует маньяк – неувязка: маньяки тяготеют к определенному полу и даже конкретному типу телосложения, это общеизвестно и это абсолютная истина. Значит, детей похищали разные люди? Но всем – и Пеплу, и бандитам, и ментам – было очевидно, что похищения – дело рук одного и того же человека.

Далее нестыковка следует за нестыковкой. Если маленьких детей задурить можно, посулить жвачки, игрушки, чего там еще – лешего в ступе, то чем запудришь голову молодежно-циничному подростку? Его блестячками не заманишь, да и не больно охотно нынешняя тринадцатилетняя младая поросль в машины к незнакомцам садится. Если, конечно, не зарабатывает таким образом. Но уж в этой связи думать о Павле Лунгине – бред кобылий.

Пепел затер сигарету и машинально вытянул из пачки следующую. Но не прикурил, а выскочил из кафе-стекляшки, будто, увидел на улице человека, перехватившего до завтра семь тысяч долларов и уехавшего на ПМЖ в Германию.

В маленьком магазинчике напротив, где каждую пядь площади занимала ждущая покупателей электроника и сушил горло наионизированный воздух, Сергей ногтем проворно освоил замок стеклянного стеллажа с цифровыми фотоаппаратами и первой же подвернувшейся моделью сфоткал изображение на экране крайнего слева телевизора «Samsung cs 21K2Q».

И тут же любительская видеозапись оборвалась, но он успел. Тщательно начесанная дикторша, с модным нынче кривым ртом, продолжала:

– Похищение людей превратилось в одну из наиболее динамично растущих отраслей криминального бизнеса. В год этот промысел приносит преступникам всего мира до 500 миллионов долларов.

Пепел ждал с цифровой камерой наизготовку, будто охотник глупую куропатку.

– Наиболее уязвимы, в этой связи, представители бизнеса, несмотря на то, что они составляют лишь малую долю тех 10 000 человек, которых похищают на нашей планете ежегодно. – Лечила зрителей криворотая с доброй трети экранов. – Как сообщалось в предыдущих выпусках нашей программы, в последнее время в Петербурге участились случаи так называемого киднеппинга – буквально, похищения детей. Жертв уводили с школьных переменок. – На экране «Panasonic tx 21PM10T» цвет лица криворотой был малость смугл, на экране «Lg cf 21J50» розов, как цветочный лепесток. – Сотрудники правоохранительных органов предполагают, что, возможно, в городе действует маньяк. Очередным в серии исчезновений стало похищение сына крупного бизнесмена Валерия Лунгина, Павлика. Тринадца-

тилетний мальчик был уведен из школы в обеденный перерыв. Сотрудники нашего канала побеседовали с учительницей литературы – последней, кто видел Павлика.

– Але! – наконец очнулся обидевшийся на самоуправство Сергея продавец.

– Я беру этот фотик, – небрежно отмахнулся Пепел и бросил на прилавок пару зеленых бумажек.

– Теперь у тебя их две, – сказал разломавший пополам отнятую у хулигана бейсбольную битку Шварценеггер с соседнего экрана. Пепел решительно выключил соседа. Сергей смотрел свой канал, не отвлекаясь, чуть ли не дыша. Понятно, он делал скидку на неточность информации, собранной телевизионщиками, однако на безрыбье...

На трети экранов возникло взволнованное лицо женщины лет тридцати пяти, с подрисованными глазами и мертвенно-бледной пудрой. Пепел не поленился запечатлеть на «цифру» и эту рожу.

– Ко мне уже приходили из милиции, забрали портфель Павлика, я все рассказала.

– Но ведь у многих телезрителей есть дети, и чтобы печальный опыт не повторился...

– нагнала трагизма журналистка.

– Я их на лестнице встретила. Они уже уходили. Я спросила у Павлика – этот за тобой пришли, да? Он говорит – да, за мной. Тот, ну, который был с Пашей, поклонился еще мне так любезно. Здравствуйте, говорит, не беспокойтесь, я Пашин дядя, Валерия Константиновича родной брат. Мы вместе из школы вышли, они в джип сели.

– Номер джипа – не помните?

– Да что вы!? – изумилась училка, – он был так прилично одет, и уверен... Павлик ему явно рад был. Опять же, машина хорошая. С чего бы у меня подозрения возникли?!

Лицо училки исчезло с экрана, картинка вернулась в студию. Дикторша продолжала:

– Фотографию похищенного мальчика вы видите на экранах. Всех, кто располагает какой бы то ни было информацией, убедительно просим позвонить по телефону, который сейчас возникнет в левом углу. Телефон работает круглосуточно. – На экране «Jvc av 21A10» губы у дикторши были вишневые, а на экране «Lg ct 21FB30» пунцовые. – Что касается преступника, у милиции уже есть конкретный подозреваемый. Известно, что это человек с криминальным прошлым, отбывший два срока в местах лишения свободы. Имя его пока не разглашается в целях личной безопасности граждан. Неизвестно, вооружен ли подозреваемый, но, определенно, очень опасен и, возможно, психически невменяем.

Пепел истратил третий кадр.

– Мы долларами не принимаем, – все еще обиженно проворчал продавец.

– Отпринтуй штук по пять картинок каждого снимка из аппарата, – не вникая в претензии, Сергей положил цифровую игрушку рядом с зеленью.

– Мы таких услуг не оказываем.

– И оставь сам аппарат себе. Мне нужны только фотки.

Мордаха продавца мигом преобразилась, пальцы впились в доллары, клещами не разжать:

– Одну минуточку, вам в цвете? Конечно, в цвете, все исполним в полном ажуре!

– И еще, – Сергей пошелестел следующей купюрой, – мне нужна какая-нибудь из телефонных баз на диске.³

³ «Единый государственный реестр налогоплательщиков Санкт-Петербурга» (выкраденный хакерами и записанный на лазерные диски) по состоянию на 2002 год можно приобрести за 100-150 рублей. Более современная база, по состоянию на 2003 год, стоит уже порядка \$100. Адресную базу жителей Санкт-Петербурга по состоянию на 1999 год – можно купить с рук тоже рублей за 150. Не верьте, если продавцы будут уверять, что база более новая, такой на рынке просто нет. В эту же сумму обойдется база сотовых операторов Санкт-Петербурга по состоянию на 2002 год. Помимо названных можно также приобрести ряд баз по предприятиям Санкт-Петербурга и Российской Федерации. Однако эти базы носят скорее рекламный характер, поскольку содержат только информацию о месте нахождения предприятия, его деятельности и руководителях. В некотором смысле это аналог телефонного справочника Санкт-Петербурга. База же «Единого государственного реестра»

– К сожалению не держим, – продавец печально облизал купюру глазами, – Через два павильона торгуют музыкой, спросите Альберта.

* * *

Иветту Соломоновну терзала жажда деятельности. Начала она с того, что с утра на три часа исчезла из дома. Вернулась к двенадцати и, на цыпочках прокравшись мимо кабинета мужа, заперлась в кухне. Неслышно открыла холодильник, решительно достала покрывшуюся изморосью бутылку водки «Матрица» и трясущимися пальцами свинтила студеною крышку. Не пила Иветта Соломоновна со дня свадьбы, но теперь она наполнила до краев кофейную чашку и, не садясь, залпом осушила. Вздрогнула, поморщилась, налила вторую. Поднесла к губам, задумалась.

– Что же эти гады сейчас с Павликом делают... – прошептала она. Опрокинула содержимое чашки в рот, на этот раз даже не ощутив ни вкус, ни холод. Завинтила крышку. Долго стояла Иветта Соломоновна перед кухонным столом, глядя на ротановый стул, на котором всегда сидел ее сын; самым страшным было для Иветты то, что больше она ничем, ничем не могла сейчас помочь Павлуше. А вдруг похитителям не нужен выкуп? Иветта Соломоновна всхлипнула. Вдруг его украли враги мужа, из мести?! Она почувствовала, что прекратившаяся под утро истерика грозит вернуться. Так ли уж ничем она не может еще помочь бедному мальчику? – спохватилась Иветта, и с горечью осознала: да, больше ничем... Но надо продолжать что-то делать, пока она тут торчит, глушит водку, неизвестно, что с Павликом!

В кабинете супруга зазвучала мелодия «Турецкого марша», все настырней и настырней, это очнулся его мобильник. О чем говорит муж по «Нокии», Иветте было не слышать.

Правильно, решила Иветта, нужно бить в колокола, где только можно. У домашнего телефона на тумбочке под бра лежала записная книжка мужа. Иветта Соломоновна нашла номер, звонить по которому показалось ей наиболее резонным... Руку с телефонной трубкой перехватила рука Валерия Константиновича – у Иветты так стучало в висках, что не слышала, как он подошел. Или подкрался?

Лунгин пребывал на взводе. Дело, возможно, было сложнее, чем кажется, только что звонил скользкий тип с гнусавым голосом и требовал выкуп, при этом явно Павлика в глаза никогда не видел – где-то просочилась информация о похищении, и все городское жулье теперь придумывает, как срубить толику малую с безутешного отца. А номер мобилы не вопрос – на всех рынках торгуют ворованными у операторов электронными базами абонен-

позволяет осуществлять поиск по наименованию организации, ее ИНН, ОКПО, адресу, телефону, ФИО руководителя. В выдаваемой информации – расчетные счета организации, величина уставного фонда, сведения об учредителях и многое другое. Адресная база данных и база сотовых операторов позволяет получить информацию о конкретном лице: его месте проживания, паспортных данных, зарегистрированных на его имя сотовых телефонов и домашнем телефоне. Встречаются варианты адресной базы, в которой есть подробные данные о жилищных условиях (количество комнат, их площадь, льготы по оплате и т.п.). По словам представителей правоохранительных органов, в своей информационно – аналитической работе они собирают первоначальную информацию именно таким путем. Причем, зачастую используя точно такие же базы данных, поскольку получение этих сведений официальным путем занимает слишком много времени. Однако не следует забывать, что у ресурсов «черного» рынка есть существенный недостаток – обновить сведения можно только путем покупки новой базы данных. Широкие возможности открывает Интернет, предлагая вышеописанные базы по аналогичным ценам. С тем, какие информационные массивы вообще существуют можно познакомиться на сайте www.members.fortunecity.com/freebases/. А по адресу www.interweb.spb.ru/phone находится в свободном доступе простенькая база жителей Санкт-Петербурга (в отличие от своих аналогов на компьютерных дисках, она не содержит паспортных данных). В целом, по Петербургу перечень баз данных, представленных на рынке, достаточно ограничен. Зато по москвичам можно приобрести практически исчерпывающую информацию. Московские базы данных, рекламируемые через Интернет, предлагаются по демпинговым ценам (200-400 рублей за одну базу). В частности на рынке представлены базы данных ГИБДД (авотранспорт, ДТП, водительские удостоверения), ОВИР (загранпаспорта), жилищных служб (паспорта квартир, приватизация, нежилые площади), картотека МВД, Госкомстат (сведения о фирмах и производимой ими продукции).

тов, Лунгин, например, тоже пару недель тому прикупил такой диск. А тут эта дура под ногами путается, изводит... Узнав высветившиеся в окошке «Панасоника» первые четыре цифры набираемого Иветтой номера, Лунгин так заскрипел зубами, что за ушами хрустнуло.

– Валерик... – робко начала супруга, протягивая ему трубку, – позвони еще раз. Звони каждый час, пока Павлика не найдут!

Муж волком взглянул на жену. Иветта Соломоновна втянула губы, готовая разрыдаться. Ну почему он так бессердечен? Разве не видит, как ей плохо?!

– Иветта, – обратился «Валерик» к супруге, досчитав в уме до десяти, – Владимир Борисович пообещал лично разобраться в этом деле, подключить всех своих людей. Поверь, в этом он заинтересован. Если похититель – Ожогов, то тогда проблем меньше. Этот парень, хоть и из деловых, но один на льдине, никем не прикрыт, одиночка по жизни. И прижать его – реально, это сам Савинков сказал. Но вот с твоей стороны – что за самодеятельность? Кто позволял дергать за мои нитки? Ты же всё усложняешь, мать твою! – взорвался он.

– Ты мою мать не трогай! – Иветта Соломоновна разрыдалась, – я сама мать! А ты, ты...

– Ну, что?!

– Это из-за тебя Павлика украли! – завизжала жена, – я поняла, из-за тебя! Никто выкупа не спросит! Всё потому, что эти твои конкуренты... Мстят тебе! И отыгрываются на Павлике! А ты еще делаешь вид, что тебя заботит его судьба! Тебя?! Ха! Да тебе плевать на сына! Только по кабакам с девками шляешься! Думаешь, я, дура, не знаю, что у тебя за командировки?!

– А, так вот, в чем основная претензия, – протянул Лунгин, – старая климактерическая дура, в зеркало погляди! Давно подтяжки пора делать сотнями, жир срезать! Да на жиру для всего Питера блинов нажарить можно!

В каком бы состоянии Иветта Соломоновна не находилась, но такая, с позволения сказать, шуточка не могла проскочить не замеченной. Взвизгнув, Иветта бросилась на мужа и вцепилась ему в щеки остро отточенными ногтями. Больно ударились коленкой о тумбочку, записная книжка с сырым шлепком упала на дубовый паркет.

– Знай, я с утра была на телевидении, отнесла кассету и фотографию Павлика! А потом подала заявление в милицию! А ты!? Что сделал ты, чтобы вернуть сына?!!

– Ведьма, какого лешего ты про Павлика всему свету растрезвонила? – процедил Лунгин, отрывая от себя жену, – в дурку тебя сдам, к едрене фене!

– Только попробуй! Кто будет Павлика искать?! Тебе наплевать на него, наплевать!

Железной хваткой бывшего пловца Лунгин схватил жену за бока, уволок вырывающуюся Иветту в соседнюю комнату и запер снаружи.

– Посиди пока. – Пот градом катился по вискам и саднил исцарапанные ногтями скулы.

Отдышавшись и обшикав в туалете ранки одеколоном, он вернулся в коридор, поднял с паркета упавшую во время неожиданного супружеского побоища трубку «Панасоника», и вызвал скорую психиатрическую. Скорая увезла бьющуюся в истерических конвульсиях Иветту Соломоновну, и Лунгин сел за стол с начатой женой бутылкой водки, ероша волосы и лихорадочно соображая. Если эта истеричка забила тревогу в ментуре и по телеканалам, Савинков обязан об этом узнать.

Воплотить эту идею в жизнь помешал следующий звонок по мобильнику.

– Валерий Константинович, надо полагать? – ответил Пепел на раздраженное «Алло». – У меня есть некоторые соображения по поводу Вашего сына.

– Идите Вы к китайскому мандарину с Вашими соображениями, – спокойно послал Лунгин, ему хватало ума для вывода, что реальные похитители так разговор о выкупе не начинают. Пустой взгляд уперся в наполовину оотаявшую бутылку водки. Захотелось поймать на палец капельку воды и втереть в висок.

– Успею, – отозвался Пепел, – но советую выслушать.

– Почему? – без интереса спросил Лунгин.
– Да хотя бы потому, что в поисках Павла я заинтересован больше, чем кто бы то ни было.

– С чего бы это?

– Я – главный подозреваемый, – отрезал Пепел.

Повисла напряженная пауза.

– А имя?..

– Ожогов, – бросил Пепел.

– Да... Владимир Борисович упоминал... – соображал Лунгин.

Пепел начал подозревать, что напоролся на болвана.

– Ну, так что, Валерий Константинович, – поторопил Сергей. – Вы заинтересованы в сотрудничестве?

– Да, конечно, всенепременно! – спохватился Лунгин, – с чего начнем? Что у Вас за соображения, Вы же с этого начали?

– Скажите, есть среди знакомых Вашей семьи, или лично Павла, человек, более-менее похожий на меня?

– В моей мобиле нет функции «видео».

– Рост средний, брюнет, серые глаза со стальным отливом, на вид около тридцати пяти лет, особых примет нет.

– Как-то стремно все это... Может, Игорь Геннадьевич?.. Нет, тот длинные волосы носит, и седины полно – особая примета... Александр Логачев?.. Нет, у того эта вечная злобная ухмылка, которую не забудешь и не спутаешь... Хотя, вот! Знаю одного, подходит, но условно. Впрочем, и Ваше описание... тоже с допусками.

– Что за знакомый? Как с Павлом они общались?

– Видите ли, в принципе, это брат нашей соседки по парадной. Общался он в основном с Пашей, когда приезжал к сестре в гости. Довольно часто это бывало. К Пашке он всегда интерес проявлял.

Пепел поморщился. Никак – и вправду похититель, шантаж, выкуп...

– Почему он интересовался парнем, не знаете?

– Как же не знать! Мужик этот, Димычем зовут, он, понимаете ли, социальный педагог. Ну, со всякими там трудновоспитуемыми работает. Вот с Пашкой и скорифанился, часами трындели. Вообще, эти социальные педагоги – люди странные, вкалывают за спасибо, нищета... Димыч на сеструхином джипе выпендривается. Со всякими там беспризорниками якшается...

Всё. Озарение пришло.

– А что, – тревожно оборвал Лунгин, – Вы его, что ли, подозреваете? Ему-то зачем?!

– Нет, нет, – быстро начал Пепел. Как бы не спугнул все мысли этот невротик, – скажите, где нашего Макаренко найти можно?

– Пёс его знает, – кротко ответил Валерий Константинович, – он и сестре никогда не говорит, где бывает. Можно, конечно, попытаться через нее узнать...

– А она где, известно?

– Как же... На даче, в Пскове. Если на машине, то...

«Н-да, одной дороги туда-обратно – десять часов», – прикинул Пепел. Значит, придется искать пацана обходными путями. Но это – не страшно, потому что теперь Пепел знал, где, и главное – как искать.

– До связи, Валерий Константинович, – быстро прервал Пепел изливания папаши.

* * *

Апрашка оставалась в своем репертуаре. Двое мясистых лохотронщиков ухватили Пепла за руки, предлагая принять участие в конкурсе и выиграть неограниченное количество денег совершенно на шару. Пепел окинул претендентов взглядом с головы до ног безо всякой угрозы, – удивления в его взгляде было достаточно. Казалось, взгляд этот говорил: «Ты, чмо хрустальное, на кого наехал?». Абитуриенты молча отпустили руки Пепла и отвернулись, на всякий случай как бы больше не замечая.

Пепел медленно пошел по мощеному центральному Бродвею рынка. Ходжа Насреддин при нынешнем раскладе потопал бы кругами по базару, помолил Аллаха послать нужный случай – ан случай-то и привалил бы. Но Пепел был не узбеком, и жил не в сказочно-фартовой Бухаре, а в грубой своей правдивостью России. Отмерив первые метров сто, он увидел картину в стиле Республики ШКИД.

Разбойничьего, но беззаботного вида парниша лет пятнадцати, с пухлой беломориной (гарантии, что набита она честным табаком, никто бы не дал) в зубах, в черной бандане на рыжей голове отирал задом широкие щербатые ступеньки лабаза и выжидающе пялился в толпу. Ждал очереди, или пришлось устроить вынужденный выходной, пёс его разберет. Завидев Пепла, парень – а вся их каста наделена особым нюхом на карманы – даже привстал от возбуждения, и так и зарыскал глазами, отчаянно выискивая подкрепления. Не тяня резину, Пепел подрулил к оглоеду и заслони́л солнце. Парень глядел по-воробьиному нагло и хитро, опустив пятую точку обратно на ступени, всем своим видом демонстрируя, что меня, мол, не возьмешь на понт.

Пепел произнес фразу, творящую чудеса во все века:

– Заработать хочешь?

– Парень без рвения пожал плечами, набивая себе цену.

– Ну, тогда отбой воздушной тревоги, – бросил Пепел и отвернулся, собираясь уходить.

Преступник стал бы рекомендоваться дядей своей жертвы? В принципе, вывод лежит на поверхности. Пашка своего спутника знал, похитил пацана знакомый, возможно даже – друг семьи. Но в таком раскладе, и именно в силу личного знакомства с Лунгиными, у похитителя может быть только одна цель – шантаж. Преступник-знакомый хорошо осведомлен о суммах, которыми владеет отец Лунгин, и которые тот в состоянии выложить за своего сына, живого и не по кусочкам. Но каким идиотом надо быть, чтобы отважиться на такую шмыговину?! Это же, вульгарно говоря, бытовуха! Раскрывается в один присест. Да и почему тогда не чешутся с требованиями выкупа? Такие дела проворачивают быстро, уперли ребенка – звонок. Тут – молчание. Или уже убили, если, мало ли, из мести похищали, такое ведь тоже случается? Из зависти к богатому соседу? Хотя, пожалуй, если бы убили, уже бы ухо – да прислали, иначе – в чем месть? Опять нет логики.

– Да постой!

Пепел как бы нехотя остановился.

– Вид у тебя больно цивильный, – оправдывался пацан, – может, ты мент какой. – Сам откуда? Чего надо?

Несмотря на довольно безрадостное настроение, Пепел не мог мысленно не усмехнуться.

– Некогда мне с тобой разговоры говорить.

– А откуда я знаю? – парень даже обиделся. – Поручишь какую-нибудь мину замедленного действия, я сделаю, а потом мне отмываться? Фига лысого! Ща мента позову и скажу, что ты меня за наркотой посылал, – заявил горе-деляга, и добавил зауценную фразу, – нары по тебе плачут.

- Свое уже отплакали, – лениво хмыкнул Пепел.
- Это как? – подозрительно спросил новобранец.
- Повторить?
- Понял.

Парень поднялся.

- Простите, нахамил. Сами знаете, какие тут дела... А что у вас за тема?

Во время разговора с отцом-Лунгиным, при упоминании социального педагога, Пепел внезапно понял, что произошло с Павликом, где пацан, и кто его похититель. Потому как мальчика действительно умыкнули. А похититель – теперь это прозрачно – сам Павлик.

Пашка банально драпанул из дома. Назло, из мести за какое-нибудь невыполненное обещание, этого с кем не бывало... но причем тогда Димыч? Может, в аккурат расчет на киднеппинг, репортажи по ТВ, статьи в газетах, родительские слезы: вот, меня похитили, теперь узнаете, каково без меня. Да, но, в таком случае, неужели Пашка не мог выбрать кого-то менее узнаваемого? Ответ на этот вопрос может дать только сам Пашка, и устроит ли горлодерная правда его родителей – их дело, Пепла семейные разборки не касаются. Его задача на ближайшие несколько часов – найти пацана, и срочно: часы тикают, отчет идет, а из предоставленных Пеплу семидесяти двух часов несколько уже истекло. И ведь найти парня – это даже не середина дела, только тютелькино начало.

- Пацаненка надо одного найти.
- Это можно, концов сколько хотите. Что за чел?
- Из дома ноги сделал. Скорее всего, сейчас один не бродит.
- Примерно хоть представляете, где он, в каком районе?
- Без понятия. – Пепел с ленцой протянул малолетке распринтованную пачку портретов.

– Сколько лет, когда ушел? Но... Оплата будет больше. Как-никак, своего ищем...
Пятихатка баков.

- Не вопрос.
- По рукам.
- И главное – найден он должен быть сегодня – за три часа.

Парень получил данные о Пашке Лунгине, которыми располагал Пепел, и умотал, оставив «заказчика ждать на том же месте». Получив, естественно, аванс, и обещание доплаты за сверхсрочность.

Эти поросята подключат взрослых рыночных свинок, в том числе боровов всех мастей и Пашку найдут быстро...

* * *

Истерическая жажда деятельности сменилась у Иветты Соломоновны апатией, врачи, не жалея, накачали ее транквилизаторами. Лежа на больничной койке, в специально выделенной для нее отдельной палате клиники им. Бехтерева, отупленная реланиумом, она по инерции продолжала думать о сыне. Но, казалось, войди он сейчас в палату, позови ее, и максимум, на что Иветта будет способна, это повернуть голову в его сторону.

«Все-таки, транки – замечательная вещь», – подумала Иветта Соломоновна, час назад поставившая врачу на вид, что на них и подсесть можно. Дурмана не было, каждая клеточка была расслаблена, но тем не менее ощущалась, будто наполненная дразнящим газом. Иветта Соломоновна спать не могла, она и не спала. Но и не бодрствовала.

Подумала она и о похитителях Павлика. Ей почему-то казалось, что их было несколько, Иветта все еще оставалась убеждена, что украли ребенка из мести. Мысленное повторение

вопроса «Что с ним будет?» вошло в привычку, но думала об этом Иветта Соломоновна без прежнего ужаса.

Хотя, когда некоторое время назад в палату вошел врач и поинтересовался, как она себя чувствует, Иветта Соломоновна вздохнула:

– Хорошо... но я бы с удовольствием повесилась.

Врач невнятно пробормотал в ответ, что вот вешаться как раз не стоит, она нужна сыну и мужу, и ее нормальное самочувствие – необходимо для успеха. В тот момент Иветта Соломоновна без лишней злобы подумала, что врачи – удивительно циничные люди. У женщины украли единственного ребенка, а ей советуют хранить свежесть мысли и бодрость духа.

Толстая стрелка топорных часов, служащих единственным украшением блеклого коридора, подползла к четырем часам. Монотонное течение больничной жизни Иветты было нарушено появлением нового человека. Когда он вошел, Иветта Соломоновна попыталась рассмотреть визитера. В глазах плыло от транквилизаторов, видела она плохо, но для того, чтобы понять, дескать, перед ней мужчина с большой буквы, усилий прилагать не потребовалось. Иветта пожалела, что сама выглядит на минус сто очков, ведь некоторые любят полных, не то, что ее законный... плебей.

Приличия ради пленница приподнялась на локте. Вошедший был без врачебного халата, может, в другой момент это и насторожило бы по природе подозрительную Иветту Соломоновну, но не сейчас.

– Ну, здравствуйте, Иветта Соломоновна, – глухо произнес вошедший.

– Вам того же. Вы ведь не сотрудник больницы?

– Ни в коем случае, – ответил тот же бесцветный голос.

– Что Вам угодно? – сказала лежащая, с трудом выговаривая слова.

– Иветта Соломоновна, на Вас чулки есть? – задал гость неожиданный и, пожалуй, непристойный вопрос. Правда, учтиво, в его прежде нераскрашенном голосе ожила толика заботы.

– Не поняла?

– Чулки есть на Вас? Или ремень?

– Ах, бросьте, – устало проговорила Иветта Соломоновна, – как только меня сюда привезли, забрали все вещи и выдали этот уродливый халат. Чулки потребовали после того, как я кинула фразу, что не прочь повеситься, – не без гордости поделилась она. – Если это всё, что Вы хотели узнать, я попросила бы Вас удалиться. Я не настроена на светскую беседу. – Иветта конечно же кокетничала. «Ах, я такая сегодня сумбурная... мне недосуг... Вы, молодой человек, сами должны проявить инициативу...».

Вошедший не удалился.

– Если Вам так необходим мой чулок, – раздражилась на легкое торможение незнакомца Иветта Соломоновна, – могу позвать медсестру, она принесет. Нет? Может, бинт Вас устроит?! Или вот, ремень, на кровати, смирительный, сейчас отвинчу! – бывшая истерика опять замаячила пугалом.

– Не стоит беспокоиться, время не терпит. Хм... что ж, придется по старинке, грязно...

– Что? – «Он хотел привязать руки и ноги к быльцам кровати и воспользоваться ее беспомощностью? Он такой застенчивый, как романтично... не то, что ее законный... рецептор. Зря Иветта психует, зря она в этом халатике... минус сто очков...».

– Сейчас узнаешь, – резюмировал гость, и, не дав Иветте Соломоновне опомниться, быстро подошел к койке, вырвал из-под головы женщины подушку, уткнул ей в грудь, другой рукой одновременно выхватил из-за пояса брутальный ТТ, буквально вонзил его в подушку и нажал на курок.

Все это было сделано в одно мгновение, быстро и почти бесшумно. Тело Иветты Соломоновны пронзила острая боль, Иветта дернулась, пытаясь судорожно вдохнуть и

согнуться в кочергу. Затем тело медленно опало, как закипевшее молоко в кастрюльке, когда вырубил конфорку. Убийца вернул подушку жертве под голову, (потому и не выгодно было пользоваться ножом, крови бы выплеснулось литра три). Накрыв труп одеялом под подбородок. Даже вблизи казалось, что женщина наконец-то умиротворенно уснула.

Человек вышел из палаты и уверенно направился к выходу. В прихожей его караулила смазливая медсестра, которая и впустила, жизнерадостно ответив на бесхитростный флирт.

– Счастливо, Танечка, – он расщедрился и чмокнул ее в щечку. – Значит, в семь у «Голден Долз»?

– Счастливо! А телефончик не оставишь? – игриво спросила сестричка. Ее выбившийся из-под шапочки крашенный в пшеницу локон закрывал правый глаз, отчего фейс милашки малость напоминал болонку.

Убийца задумался на секунду.

– Оставлю! Отчего ж не оставить.

Настойчиво зазвонил телефон в дежурке. Охранник, угрюмый парень с залепленным бактерицидным пластырем прыщем на скуле, трубку поднимать погнушался. Он крепко ревновал и исполнять служебные обязанности было недосуг.

– На. Пиши прямо в мою телефонную книжку!

– Ага... ну вот, держи.

– Я позвоню!

Танечка закрыла за посетителем дверь, сладко повела плечами и взглянула на оставленную запись. Сергей Ожогов. Красивое имя... Ее ждали муторные объяснения с охранником, ревновавшим Татьяну к любому чиху каждое совместное дежурство.

* * *

В шестнадцать тридцать, омерзительным осенним днем, еще хорошо, что извечная морось не красит асфальт в темный, Пепел прорезал рыночную толпу у сигаретного ларька и вернулся с мобильником, ранее принадлежавшим располневшему на питерских харчах геноцвале.

– Алло? Валерий Константинович? Я нашел его.

Рядом оказалась горластая продавщица сосисок в тесте, и Сергею приходилось напрягать слух, чтобы диалог удался.

– Понял, – по голосу Лунгина можно было предположить, что он не понял ничего. Очевидно, догадался...

Над всем рынком из матюгальников доложили, что в таком-то корпусе, в такой-то секции потрясно дешевые, почти даром, колготки, а еще байковые одеяла и белорусская обувь от производителя.

– Вам стоит подъехать.

– А где он? – Валерий Константинович с опозданием узнал голос и начал помаленьку врубаться, что звонок – самый серьезный за сегодня.

– Вы подъедете к Никольскому собору со стороны Садовой и будете ждать у рекламного стенда предстоящей Выставки медицинского оборудования в ЛЕНЭКСПО. – Сергей не доверял Лунгину, тот сообщил о пропаже сына на ТВ, может преждевременно растрезвонить и о находке. А далее: «Известный рецидивист, убийца Сергей Ожогов раскаялся в похищении Павла Лунгина и вернул мальчика, остальные дети, видимо, убиты!» – сообщит с экранов поставленным голосом криворотая дикторша. Поэтому впереди предполагалась страховочная и любимая в кругу ящериц игра «оторви хвост».

– Вы уже там?

– Я рядом.

– Буду. Через двадцать минут. – Лунгин со злобой на себя вспомнил, что не отзвонился крыше насчет инициатив супруги. Санитары, манящая бутылка водки, тыры-пыры... объяснить можно, однако базар будет глупым. Черт... черт... черт!!!

Пепел дал отбой и без сожаления выбросил трубу в урну. Валерий Константинович выплеснул нагревшиеся до комнатной температуры последние граммы водки в кофейную чашку. Влил пойло в глотку и потянулся к мобильнику оправдываться перед Эсером.

* * *

Никто не предлагал Владимиру Борисовичу хлебать литрами раствор марганцовки для вызова рвоты – не тот клиент. Никто не тыкал в вену шприцами, заряженными кардиотониками, дезинтоксикаторами и седативными препаратами – не низкого полета фирма. Эсер развалился в рыхлом кожаном кресле и, со стороны казалось, дремал. Из широкого перечня медицинского оборудования в пределах видимости маячила только капельница с провисшей к правой руке авторитета пунцовой паутинкой. И даже запахи вокруг гуляли не медицинские, а весьма приятные, будто находишься в парфюмерном бутике.

Первой фирменной фишкой этого заведения было выведение богатеньких Буратино из запотев переливанием крови. Правда, состояние Савинкова называть запоем не стоило, так, пустяк, легкий бодун, но чем не повод освежить содержимое аорт, коронарных сосудов и вен?

Второй фирменной фишкой медцентра являлась униформа персонала: для повышения гормонооборота у подтоптаных но сытых клиентов медсестры здесь облачались в соблазнительные синие гофрированные юбочки до колен и накрахмаленные белоснежные рубашечки с погончиками на мельхиоровых пуговицах. Ностальгический комплект довершали пронзительно алые пионерские галстуки. А само заведение носило помпезное название – реабилитационный центр «Артек».

И все же не пялился Эсер на порхающих мимо Наташ, Зин и Марин. Прикрыв глаза, будто загорает на пляже, он переваривал доклад старшего своего по охране, бойца с погонялом Принцип.

– ... Тут еще одна заковыка всплыла, – бубнил, почтительно склонившись над расслабленным телом босса, Принцип, – Через три минуты после того, как наш кортеж покинул резиденцию, в районе главной квартиры был запеленгован радиосигнал.

– Хвосты ментовские или люди Шрама?

– Хвосты, да не простые. Это была не голосовая связь и не морзянка. Импульсный сигнал содержал сложный буквенно-цифровой код, и нам потребовалось два часа, чтобы въехать, что это такое на самом деле.

– И что это такое на самом деле?

– Чиф, вы будете смеяться, это повторение кода сигнализации вашей машины. Некто, обжив ларь с арбузами напротив, засканировал код на ноутбук, когда Петя снимал машину с сигнализации. А когда мы отъехали от особняка, послал запись через эфир коллегам.

– Весточка от Маркера?

– Мы опоздали: когда окружили ларь, тот был пуст. Хозяин ларя, таджик, сейчас умывается кровавой юшкой и божится Аллахом, что ключи никому не одалживал. Ну, конечно, наши пацаны кроме рожи таджика все арбузы раскатали всмятку... Там еще интересные ниточки по наркоте прослеживаются, но это к делу не относится. Когда в тему поглубже заруюсь, доложу.

– Арбузы? Распорядись, чтобы к ужину был арбуз. Выводы?

– Какие-то гастролеры нацелились угнать вашу тачку. Выследим – печень отстучим, чтоб не баловались.

– Меры?

– Сегодня вечером отгоним машину в бокс и сменим код сигнализации. Конечно, устроим засаду.

У Эсера вдруг очнулся мобильник, шеф левой рукой махнул на Принципа, чтоб тот помолчал, и нею же неловко вытащил трубу из кармана.

– Слушаю...

Старший по безопасности поленился распрямлять спину, впрочем, его ряшка изобразила глубокую индифферентность, типа, готов на полусогнутых служить сто лет.

– Потом оправдаешься... – зло прошипел Савинков в прибор.

Широкополая медсестра Зина замерла в отдалении, пришла пора снимать клиента с капельницы, но ежу понятно, что у того важный звонок. А Савинков – еще тот клиент, когда что не по евоному, и пинка дать может.

– Я сказал, потом объяснишь, почему сразу не сообщил. Где встреча назначена?.. Отбой, и не особо рыпайся, когда нас в зеркальце заднего обзора заметишь. – Прячущий свободной рукой мобилу Эсер подбородком кивнул медсестре, чтобы та сняла его с иглы, и повернул челюсть к Принципу, – Выезжаем на Садовую, трех машин хватит.

Принцип дождался, пока широкополая Зина завершит медицинские процедуры, не из опасения за жизнь кормильца, а из порядка. И плавно скользнул в коридор. Сидящий в приемной нога на ногу помощник Принципа Честер с красавицами чесал язык:

– А вот еще была прикольная история, когда один крендель вместе с лоском потерял коренной зуб...

Принцип повел бровью, и история осталась неозвученной. Помощнику велелось обеспечить отсутствие зевак на лестнице, а сам Принцип спустился на тротуар, где принял доклад рядовых телашей и сам для надежности оглядел окрестности. Поскольку «краузеры» телашами не покидались, Принцип поленился проверить, не примагнитил ли какой шустряк под днище бомбу.

Теперь можно было отзвониться Честеру, чтобы выводил чифа на открытое пространство. Три одинаковые «Chrysler PT Cruiser» серебристого цвета (от массивной решетки радиатора, обтекаемых крыльев и стремительной формы капота до хромированных дверных ручек, задних каплевидных фонарей и элегантно закрытой двери багажного отделения – одно загляденье) за семь минут добрались до Ново-Никольского моста. Одну, начиненную тремя уже знакомыми с Пеплом бойцами, Принцип поставил через дорогу от Никольской церкви, вторую с тремя гоблинами страховки-поддержки остановил на пересечении с Большой Подъяческой, эти должны были пристроиться в хвост Лунгину и подать сигнал, когда в «Ламборджини» подсядет Сергей Ожогов. Авто с Эсером, Честер за рулем, припарковалось через сквер от канала, напротив доживающего последние деньки пластикового шатра, заляпанного логотипами пива «Степан Разин».

Принцип вышел из машины, держа мобилу в руке, как гаишник полосатую палочку-выручалочку, на нем лежала координация перехвата. Понятно, никто Пеплу зла не желал, просто перед торжественным моментом воссоединения семьи Лунгиных полагалось задать пару вопросов. Самый важный – почему Пепел решил работать со старшим Лунгиным напрямую, а не через Владимира Борисовича. Не по понятиям!

Принцип вкусно вдохнул терпкий осенний воздух, взглядом просканировал щуплую аллею лип вдоль канала Грибоедова и ларек «Союзпечати» с вешенными под стекло смазливими ляльками на обложках журналов. Два опавших листа приклеились к мокрому асфальту, два листа уныло танцевали минут в ограниченной гранитом черной воде канала. Двое тянувших под шатром пиво невзрачных персонажей разом с противным скрежетом отодвинули красные пластиковые стулья от шаткого стола и двинулись из летнего кафе прочь.

Принципа напрягло, что пиво хмурые граждане не допили, неувязочка. Один вдруг схватил начальника эсеровской охраны за грудки:

– Это ты, гад, мне квартиру продал!?

Как ни был Принцип подкован в разборках, здесь на миг стушевался. И невзрачная личность проворно перехватила руки в железный захват. А второй, мать честная, тот самый Пепел, на которого идет охота, пискнул объявившимся в ладони автомобильным брелком.

Люк на крыше авто плавно пополз вверх, в окне мелькнула перекошенная удивлением рожа Савинкова. И тот самый Пепел, который сейчас должен был чуть поодаль подсаживаться в «Ламборджини» к Лунгину, из просторной спортивной сумки выхватил за холку оскалившуюся грязно-белой шерсти тварь и, будто гранату в амбразуру, швырнул в щель отъехавшего люка.

Из салона раздались визги, вскрики, звериный рык... и там, где только что маячила физиономия шефа, на стекло брызнула густая струя свежей крови. Не в прок пошло Владимиру Борисовичу переливание. Мимо равнодушно продребезжал трамвай, стайуа сизых голубей, как ни в чем не бывало, прочесывала газон.

Глава 3. Лечебное голодание

*... О, если разум сохранить сумеешь,
Когда вокруг безумие и ложь,
Поверить в правоту свою – посмеешь,
И мужество признать вину – найдешь,
И если будешь жить, не отвечая
На клевету друзей обидой злой,
Горящий взор врага гасить, встречая,
Улыбкой глаз и речи прямою,
И если сможешь избежать сомненья,
В тумане дум воздвигнув цель-маяк...*

«Если» Киплинг Редьярд

Во дворе, под козырьком входа в подвал, скучал Пашка Лунгин. Он перетерпел ночь на вшивых матрацах и испытывал могучее камилфо от того, что с утра не принял душ. Хотя бы зубы почистить... С другой стороны ночевка прошла лучше, чем боялся, никто не пытался развести Пашку на шмотки. Не потому, что в этом дворе баблистый прикид – дурной стиль. Пашка верил, что его берегут, ничего другого этой коdle не оставалось.

Правда, после уймы колебаний младший Лунгин сам предложил обменяться футболками жожаку, и теперь на Болте красовалась заветная «Феррари», а Мешок донашивал воняющую рыбьим жиром «Гражданскую оборону» – здоровый подхалимаж.

Уже ночью, укладываясь спать в подвале, Мешок старался не думать о последствиях. Сбежать из дому ему было необходимо. Но в перспективу получения денег от папаша он верил не очень, на семейные чувства не рассчитывал. Словом, он ныкался в этой компании, принявшей его ради скорой и легкой наживы, на птичьих правах. И не хотелось думать, как потом выкручиваться, где прятаться, когда деньги не поступят. Тем паче, ходы назад уже отрезаны.

Пепел из конспирации тормознул машину старшего Лунгина не в назначенном месте, а на Вознесенском проспекте, правильно высчитав, что Садовая от Сенной площади перекрыта на ремонт, и меховому королю проспект не миновать. Позади остались превентивный осмотр салона в поисках жучков, синие купола церкви и кружение по переулкам с целью отсечь потенциальный хвост. Ровно в пять ноль-ноль черный, военного типа джип «Ламборджини» бесшумно притормозил у арки дома по улице Декабристов. Из джипа выпрыгнул Валерий Лунгин и Пепел.

– Где мой сын? – спросил Лунгин, он был бледен и тяжело дышал. Итог бескомпромиссного общения с початым супругой пузырем «Матрицы».

Пепел молча кивнул в сторону нависающего серой громадой дома и пропитавшейся кошачьим амбре арки. Через двадцать шагов они оказались во дворе, тесном, как птичья клетка.

Увидев «группу захвата», Пашка вскочил и затравленно огляделся в поисках пути ко спасению. Сделал было бессмысленный рывок в сторону подъезда, обжегся сигаретой, остановился рядом с обшарпанной скамейкой, с выражением невыносимой муки посмотрел на отца и незнакомого человека, опустил голову и обреченно взвизгнул:

– Нашли? Скоты... ну, берите, пёс с вами.

Приглашать было излишне.

Они выходили из двора. Мужчины шли по бокам отрока, будто оберегая его. Когда троица подгрбля к козырьку арки, все и началось.

Пепел, интуитивно почувствовав исходящую от проявившихся навстречу тоже троих, заретушированных арочной тенью, человек опасность, решительно кивнул спутникам, чтобы те поворачивали обратно. И крайне не понравилось, что у центрального из встречных на поводке рыскал грязно-белый бультерьер с горящими во мраке глазами и телепающим слюнявым языком.

Старый двор имел проходную парадную, туда Сергей и поволок спутников в расчете выскочить на улицу с другой стороны, позади встречных. Преследователи, а это в натуре оказались преследователи, ускорили шаг, но не побежали, чтоб не поднимать лишнего шума.

Из подвала выбрался Болт, сладко потянулся и застыл с распахнутым ртом, подаренная «Феррари» сидела на парне, как марлевая повязка на тяжелораненом, лишку не вдохнуть. И вдруг на Болта из арки со скоростью футбольного мяча полетел дыбящий бело-грязную шерсть пес. В прыжке взмыл на шуплую грудь, и сбитый снарядным ударом подросток кувыркнулся в клубке с питбулем обратно вниз по ступеням.

Злодеи настигли беглецов у дверей парадной. Обернувшись, Пепел на какую-то долю секунды не поверил глазам. Тот, центральной из преследователей, только что спустивший псину, походил на Серегу, как родной брат – рост средний, брюнет, серые глаза со стальным отливом, на вид около тридцати пяти лет, особых примет нет... Пепел хотел захлопнуть перед троицей дверь, но «брюнет без особых примет» изловчился, схватил ручку. И не успел Пепел моргнуть, как враг с быстротой пружины ногой саданул Сергея, целя в печень. К счастью удар делался почти наугад, и оказался скользким.

– У них мой портфель! – не вовремя попытался уличить нападавших в воровстве Пашка.

– Ходу на улицу! – крикнул Пепел Лунгиным.

Малый послушно рванул, чересчур просторная футболка затрепетала флагом, но отец все-таки оказался тормозом, и застыл с отвисшей челюстью. Трусливый, как военный вне строя.

– Папа! – завопил Пашка, оборачиваясь.

Двойник вломился в парадную, встречный удар в челюсть вышел неожиданным и ошеломляющим, беглецы выгадали секунд пять, пока вражина приходил в себя, не больше, но и это дало фору, этого вполне хватило Пеплу, чтобы закрыть вторую дверь перед носом чужака. Они выбежали на улицу, бросились к джипу.

– Ключ! – застонал Лунгин, – я забыл ключ внутри тачки! Грехи мои тяжкие, старый склеротик!

– Перестаньте, любезный, – приказал Пепел, обзлившись донельзя на растяпу, – какого лешего Вы приехали без шофера!

– Так надежней... Без свидетелей... – оправдывался Лунгин.

Пробежав по улице, слыша под аккомпанемент одышки старшего Лунгина за спинами дробный топот оклемавшихся преследователей, беглецы свернули на Лермонтовский. Причем в кунаках двойника Пепел признал и шофера, настырно предлагавшего вчера свои услуги у Московского вокзала. Вывод суров – против Сергея играли очень специальные люди, и только чудом Сергей пока не превратился в запаутиненную муху.

Огромная белая надпись мелом «машины не ставить», красовавшаяся на массивных черных воротах, привлекла внимание Пепла. Перемахнув через ограду, кое-как втащив Валерия Константиновича при помощи оказавшегося ловким, как обезьянка, Пашки, они очутились на территории синагоги: фронтоны, колонны, пилястры, тыры-пыры...

– Быстро внутрь, – скомандовал Пепел.

– Я... Я.. – пыхтел Лунгин, которого мучила жестокая одышка, – не могу больше идти...

– Надо!

- Я ща сдохну, реально!
- За мной, конкретно!
- Всё! Умираю! – просипел Валерий Константинович.
- Забей, спрячемся в автобусе! – крикнул Пашка.

Ничего другого не оставалось, Лунгин был не транспортабелен. Все трое влезли в стоящий перед входной дверью автобус, и вовремя. На Лермонтовском появился лжетаксер. Два его подельника куда-то испарились, наверное, отправились прочесывать иные вероятные маршруты или отрывать буля от куска мяса, прежде верховодившего двором. Если бы Пепел оставался желторотым придурком, то сейчас мужественно ринулся навстречу. Но очень, очень непростые граждане играли нынче против Ожогова, и каждый из них заведомо был одним в поле воином, посему рыпаться во встречную атаку воодушевления не находилось.

Шкаф решительно устремился к синагоге, ворота – не преграда. И наступила звенящая тишина. Охотник прислушался, помимо тока собственной крови он услышал... сдавленное кряхтенье. Автобус. Они – там? В этот момент астматик Лунгин не выдержал и зашелся в приступе, позор бывшему пловцу.

Надтреснутый кашель явился сигналом. Охотник рванул к автобусу, дверь, послушно подчиняясь грубой силе, уехала в сторону. Перемахнув ступени, короткостриженный мигом оказался в салоне. На полу, в приступе, корчился Лунгин. Рядом ерзал Пашка, испуганно глядевший на отца и шаривший по его карманам в поисках ингалятора. Около задней двери стоял напряженный, как трансформатор, готовый к схватке Пепел.

Оценивая обстановку, охотник-шкаф медленно, выверено ставя ступни, двинулся вперед. Из кармана объявилась мобила – собрался, шкура, вызвать подмогу. Огромный выброс адреналина заставил Пепла с корнем вырвать ближайший горизонтальный поручень и первым кинуться на противника. В последний момент чужак спрыгнул на ступени, удар Пепла пришелся в стекло кабины, охотник рукой схватил Пепла за ногу и дернул на себя. Под каблуками хрустнул выроненный мобильник, Пепел потерял равновесие, грохнулся на охотника, они оба вывалились из автобуса на сырой асфальт.

Пепел оседлал короткостриженного, переведя бой в партер. Не успел Сергей нанести удар в оскал, как охотник сделал элементарный мост в попытке скинуть Пепла.

Старая бойцовская закалка помогла удержаться. А дальше ни один из блоков не выдержал больших амплитудных ударов, обрушивающихся с энтузиазмом метронома. Буквально через несколько секунд фас и профиль охотника были захлопаны собственной кровью, пузырящейся из сломанного носа и разбитых бровей.

Но при очередном замахе Пепла охотник повторил мост, и на это раз ему повезло. Пепел неудачно упал не на бок, а на спину.

Воспользовавшись моментом, охотник помножил Пепла на ноль, двинув ему пяткой между ног.

Дальше шкаф вскочил, и начал, в традициях уличного боя без правил, пинать Пепла остроносими туфлями, очень ему жаль было, видимо, раздавленного мобильника и свернутого шнобеля. В руке битюга возник ТТ, но пускать ствол в дело неслучившийся таксер не поторопился, очевидно, предъявил, как лишний аргумент в драке, с расчетом, что Пепел обязан замандражировать. Рука Пепла потянулась к лодыжке, тяжеловес заметил движение и наступил на кисть:

– Ты мне не нужен. Отдай ребенка, не нарывайся. Сам не знаешь, куда лезешь. – Злодей пятерней смахнул кровь с расквашенной морды и некультурно вытер руку о брючину. Плебей.

– Нет проблем, мужик, бери щенка, не собираюсь из-за него подыхать. – Отозвался Пепел, уже ничтоже не сомнящийся, что не схлопочет пулю. Анонимным врагам выгодно,

дабы Пепел оставался живехонек, а у ментов под рукой до поры беспомощно брыкался козел отпущения.

– Вот и умница, – похвалил убийца и слизнул юшку со вспухшей губы. И не звенело в его голосе ни миллиграмма обиды за урон фасаду. А лучше бы звучало, иначе, получается, Пепел сражался не с живым человеком, а чем-то вроде зомби. Отойдя от Пепла, казалось, совсем обессилившего, лжетаксер повернулся к автобусу и двинул к передней двери.

И тут же оклемавшийся папаша и его сынок прыснули через заднюю дверь. Подхватившийся на ноги Сергей следом за ними нацелился внутрь синагоги, перепрыгивая через три ступени. Преследователь наблюдал за маневром с кривой ухмылкой, совершенно не собираясь ставить рекорды по бегу на короткие дистанции – куда беглецы денутся с подводной лодки?

Оба Лунгина втиснулись за алтарь. Пепел занял позицию напротив входа, делая ставку на перепад в освещении и то, что шары громилы залиты собственной сукровицей. Лжетаксер вошел внутрь веско, широко ставя ноги и громко топая, как статуя командора, держа ствол наготове. Увидев Пепла, немедленно выстрелил, но – в колени. Пепел предусмотрительно закачал маятник, обо что-то перецепившись, упал, чувствительно приложившись лбом о деревянную скамью.

Шкаф уверенным шагом измерил расстояние к алтарю. Лунгины сидели тихо, прижавшись друг к другу, словно птенцы в гнезде.

– Ну что, великолепная семейка, пошли, что ли? – устало предложил охотник и взял Пашку за ворот. Свободной рукой злодей прижал холодный ствол к заплывающему фиолетовым соком глазу.

– Неси! – нагло ответил Пашка, – у меня со страху ноги отнялись. Пашка не шевелился, уставившись в родинку над переносицей похитителя.

– Не ври, – равнодушно ответил охотник.

Пашка обиделся и с достоинством парировал:

– Я не вру, а лгу. Врут маленькие дети.

Этого краткого и дебильного разговора хватило, чтобы Пепел под лозунгом «А за козла отпущения ответишь!» нашел силы тихой кошкой шастнуть со спины к лжетаксеру. Глаза сфокусировались на защищенной шарпеевидными складками могучей шее – голыми руками бесполезняк. Вооружившись первым, что подвернулось под руку – увесистым семисвечником – Сергей занес руки над теменем врага. Охотник интуитивно почувствовал движение за спиной, оглянулся.

– Живуч... – удивился амбал.

Пепел от души шарахнул ухаля ритуальной медью по голове. Клацнул выпавший из пальцев ствол. Шкаф, все-таки оказавшийся не зомби, а заурядным незаконопослушным гражданином, стек под ноги по оси симметрии. Жаль, волочить его с собой для последующего допроса не выгорало, того и гляди, в дверном проеме возникнут лжетаксерские коллеги, усиленные бультерьером.

Когда папа с сыном выбрались из щели, Пепел без слов содрал с Валерия Константиновича плащ и отбросил подальше, будто тот источал радиацию.

– Зачем?!

– Жучки. Тебя пасли, и ты привел этих гоблинов на хвосте. Давай ключи от машины.

– Зачем?!

– Маячок могли зарядить в брелок, под капот, в бампер...

– Я же их захопнул!

– Тогда гони свою мобилу.

– А это еще зачем?

– Ты мгновенно пеленгуешься как по исходящему, так и по входящему звонку, а я с тобой, видать, пока одной веревочкой связанный.

Лунгин, демонстрируя некоторую непокорность, трубу вытащил на свет божий, но не отдал, а извлек сим-карту и переломал в пальцах. И здесь Пепла кольнула интересная мысль. А если трое преследователей явились во двор не по радиомаяку и совершенно не планировали встретиться здесь с товарищем Ожоговым? Ведь преследователи – по повадкам умудренные люди, а такие персонажи не ленятся обеспечивать себе трехкратное преимущество. И тогда получается, троица явилась именно за сопляком в воняющей рыбьим жиром футболке. Кто же ты такой, или чего ты успел натворить, Павлик Лунгин?

– Прекратить! – рыкнул Сергей Ожогов, но команда относилась не к старшему, а к младшему Лунгину, тянущему руку к заманчиво лежащему на полу ТТ.

* * *

Молоденький лейтенант от скуки дергал на себя и задвигал обратно фанерный ящик стола, стараясь сделать это без скрипа.

Скрип-скрип.

Он загадал, что ровно через минуту после успешной попытки появится Павлова.

Скрип-скрип. В ящике шуршали пожухлые бумажки, перекатывалась парочка авторучек с негодными стержнями, по дну ящика гремел задубевший огрызок пряника, из ящика душисто пахло яблоками.

Скрип-скрип. От досады младший лейтенант Михаил Игнатик был готов сгрызть ногти на обеих руках. Еще год назад он, курсант школы милиции, и мечтать не смел о том, что попадет в опергруппу. Его и в школу-то взяли только за спортивные достижения. Не было фамилии Игнатик в списках, по которым заблаговременно отделяется будущий контингент молодой поросли оперов, и все тут. А бегал Миша быстро. Чемпион Европы – не хило, увы – среди юниоров, но для осуществления тайной мальчишеской мечты молодежи хватило.

Правда, мечтал Мишка на самом деле не на рецидивистов чумазных охотиться, а раскрывать коварные замыслы международных шпионов. Но рухнул Союз, шпионов стали называть разведчиками, а потом вроде и вовсе – отменили. Вместо них косяком пошли террористы, а разве пошлют зеленого лейтенанта искать по городам и весям бородатого вахабита? Не пошлют. Скрип-скрип.

Лейтенант вспомнил, как на давешнем совещании Павлова сидела, закинув ногу на ногу, а чулочки ее так и хотелось погладить. Казалось, только коснешься, как между ладонью и нейлоном проскочит и ужалит искра. Не больно ужалит, а сладко-сладко. А потом капитан Павлова вдруг уронила карандаш и нагнулась, шаря под столом, и ее бедра изогнулись столь впечатляюще, что Игнатику для отвлечения раскалившегося естества срочно пришлось ухватиться за забрызганное дождем окно и вообразить, будто он мотает марафон по заснеженной Сибири.

Скрип-скрип. Вон, доверили матерого преступника аккуратно найти и повязать, то есть, конечно, сперва опросить эту зареванную медсестру и бестолкового охранника, которым убийца в наглую автограф оставил, а уж потом отправляться на розыски. Но и так все ясно. А эта Коко-шанель, мало того, что – баба, так еще и дура... бросила лейтенанта скучать в кабинете, приказала не отлучаться, а сама слиняла по делам. Небось, явится накачанная пивом, как, нашептывают, не раз уже случалось, устроит разбор полетов, городя огород бессмысленных претензий, тем временем матерый убийца вылезет из логова, наверняка сейчас собирает скарб в чемодан по адресу прописки, и бобик сдох. Скрип-скрип.

День тому по зданию включили зимнее отопление, и как всегда глобально. По привычке мостившиеся задами на батареи сотрудики немедленно подсакивали, в отделении

стало жарче, чем на малом ракетном корабле во время учебных стрельб, все поневоле развешали по шкафам верхнюю одежду, оставшись в рубашках. Капитан Павлова, широко расставив кулаки по столу лейтенанта, и навалившись на них всем своим аппетитным грузом, за что-то распекала Ивасика, а он, вроде бы виновато понурился, на самом деле бесстыдно пялился в вырез на ее груди...

Лейтенант Игнатик бежит быстрее кого угодно. Преступник не откроет дверь, забарикадируется, он вооружен. Поэтому лучше брать его на выходе, он выскочит внезапно, и Михаилу ничего не останется, как рвануть следом по ночному городу. Игнатик будет преследовать преступника до тех пор, пока не загонит в тупик у каких-то гаражей, и там развернется жестокая схватка. Тут лейтенанту стало страшно. В стрельбе он всегда был слабоват, в рукопашных делах – такая же фигня. Воображение услужливо поставило идиллические картинки – его, Михаила, тело, распростертое в луже крови, топот ног сослуживцев, последний поцелуй в лобик капитана Павловой, увы (или к счастью?), чисто материнский и отдающий пивом и крепким табаком...

– Ать вашу, где эта лохудра шляется? – донесся из коридора голос главного начальника, майор Горячев тоже потерял спокойствие, – Интересно мне, под кем она лежит?

– Под депутатами, знамо дело, – откликнулся невидимый из кабинета старлей Фролов, потянуло «беломором», – Сегодня надерется в хлам, завтра операцию завалит, и хоть бы хны, погоня на месте. Помните, как зимой по ее милости Ваську ранили? Медицина чуть не загнулась, пока его штопала, а капитанше – все трын-трава. Рапорт на нее подали, чин чин, а в ответ – типа, сам виноват.

Скрип-скрип. Ивасик вспомнил, как два дня тому Павлова влетела в кабинет и швырнула на стол перчатки. Он только что разгреб стол от баракла и сидел в блаженном безделье. Перчатки поехали по вытертому лаку и шлепнулись точнехонько на ширинку форменных брюк. И Павлова с равнодушной улыбкой, как ни в чем не бывало, переклонившись через стол, сгребла свое хозяйство с причинного мужского места... Естество, понятно, встало дыбом, конфузно оттопырив штаны. Как тогда Ивасик покраснел!

А сегодня с утра Павлова вошла в кабинет и заперла за собой дверь. Ивасик даже не успел сообразить – что, как, почему, а Павлова накинулась на мальчишку с жадностью голодной кошки, содрала, губя пуговицы, рубашку, закатила юбку под грудь... И трахнула парня в отвратительно неудобной позе. Именно она его трахнула, а не он ее – он даже не успел понять, что, где, когда.

Теперь он ждал Павлову, надесь объясниться виноватым шепотом.

– Эй, молодой! – одернули из коридора, – Хорош ящик мучить, дуй сюда с документами по больничной мокрухе, без Павловой обойдемся.

* * *

– Сергей, давай... Давайте... – рухнув на кресло в вагоне, Лунгин запнулся, не зная, как обращаться к Пеплу – на «ты» или «вы». Ситуация щекотливая. Этот человек, с одной стороны, спас его сына, а с другой – рецидивист, уголовник...

Пепел молча наблюдал работу мысли на лице старшего Лунгина. Сей хмырь симпатии вызвать не мог. И хоть видел Сергей колонкового барыгу первый раз в жизни, хлебнул Ожогов всякого вдоволь, научился с одного, беглого взгляда оценивать встречного и делать о пациенте верные выводы.

Надо ли говорить, что это драгоценное умение Пепел не любил тратить на анализ имбецилов типа свалившегося на его голову папаши-Лунгина. Но относится к попутчику как-то иначе, кроме как к вынужденному деловому партнеру, Пепел не имел права: до далекой разгадки кем-то сочиненного кроссворда Ожогов заинтересован, чтобы оба Лунгина ошивались

в пределах видимости. И чтобы отношения не были натянутыми. Лучше – по возможности доброжелательными. Поэтому Пепел наступил на гордо собственной песне и обронил:

– На «ты».

Кстати, когда предлагаешь обращаться к тебе на «ты», а сам продолжаешь «выкать» – это зеркальным образом вызывает у собеседника какого-то особенного толка уважение.

– Сергей... – начал Лунгин и опять запнулся.

А вот это обращение коробило: «Сергей» остался где-то в далеком прошлом.

– Сергей, ты тут главный... Я правильно понял? Хорошо, я согласен... А куда мы едем? Надо бы куда-нибудь подальше от центра, – бровью дернул Лунгин робко посмотрел на Пепла. Тот ответил недоуменным взглядом. И в этом взгляде Лунгин прочитал ответ: «Валерий Константинович, вы, кажется, только что сами определили иерархию?».

– Я не настаиваю, я просто уточняю, – поспешил исправиться Лунгин, – ведь прятаться нужно в Тьмутаракани, за городом...

– Да тише, вы! – цыкнул Пепел, – еще матюгальник у машиниста попросите, чтобы никто не прослушал!

Лунгин стушевался.

«А вроде, бизнесмен – мозги должен иметь... хотя, и имеет... курино-ондатровые», подумал Пепел. Он с омерзением посмотрел на Лунгина, низко опустившего голову. Плечи у попутчика вздрагивали.

– Простите, Сергей, плохо соображаю... Я, все-таки, только что еле жив остался... – он осекся, бросил быстрый взгляд на еще сонного Пашку.

Лунгин был соплив. Но ни жалости, ни сострадания к нему Пепел не испытывал. Хотя винить пыжикового папика за реброломный раут на хазе у Эсера особого смысла не светило. Может, даже стоило поблагодарить – без ласкового слова Савинкова куковал бы нынче Пепел на ментовских опознаниях и делал ставки в уме на то, какой срок прокурор зачитает: типа, восемнадцать с половиной против одного. И за наведенный хвост Лунгина винить не с руки – салабон в таких играх. Но это – лирика.

– Выходим, – скомандовал Пепел.

– А-а... Это что за станция? Я так давно не ездил в метро... Ах, ну конечно, «Гостинный двор», – бубнил Лунгин, заискивающе глядя на Пепла, – на пересадку?

– На выход, – и не удержался от горькой шутки, – с вещами! – Хотя не до шуток, двойник-вражина показал зубы, и эти клыки оказались такого размера, что родные косточки от вероятного могильного холода заныли. Пусть беглецам повезло оторваться на халяву, но надолго ли? Их ищут, и очень старательно ищут.

– Блин, ну что вы меня тащите? – Ныл и упирался Пашка, – скоты, тоже, нашлись, блин, умники... – утопая в наспех купленной и, понятно, с размером промазали, куртке.

Новый плащ на старшем Валерии Константиновиче тоже сидел, как корова на седле. Хорошо, через два квартала после магазина Пепел заметил бирку на рукаве и сорвал.

– Молчать, – процедил Пепел, и неожиданно для самого себя прибавил витиеватую непечатную фразу.

Пашка с уважением посмотрел на Пепла и притих. Вместе с толпой спешащего по домам народа их понесло на эскалатор и выплеснуло в дрожащий от гула вестибюль. С электронного рекламного табло беглецов призвали читать журнал «Интербизнес». А в голове Пепла прокручивалось только что пережитое: троица специально обученных громил явилась в вонючий проходняк за сбежавшим от семейных дрызг мальцом. То есть, если судить по приложенным врагами усилиям, этот пацан для них был на вес золота.

– Пепел, я пить хочу, сил нет, – после паузы тихо сказал мальчишка, тот самый, типа золотой.

Пепел кивнул в сторону ближайшего, встроенного в стену ларька. Отец и сын, отстояв безропотно очередь, отоварились лимонадом. Сергей антракт использовал, чтобы тщательно отзыркаться по сторонам, и к некоторому облегчению отметил, что ни в манерах дежурящих по залу серых, ни в водвороте пассажиров нет нервозности больше, чем обычно. Их ищут, но в набат не колошматят.

Вечером Невский не был так омерзительно многолюден, как в дневные часы. Попадались интеллигентного вида колдыри, неформальная молодежь и истасканные проститутки. Одна из них догнала Пепла и Лунгиных. Замерзающая в не по сезону легком, дырчатом платье, костлявая, испитая, беззубая, на вид лет пятидесяти (хотя ей могло быть и тридцать).

– Ребят, сигаретки не найдется? – заговорила она, идя быстрым шагом рядом с компанией. Мадмуазель попеременно смотрела то на Пепла, то на Валерия Константиновича.

А Сергей ломал голову: из чего в России можно выжать денежку, похищая подростков, если не цыганить за умыкнутых выкуп? Может, их крадут, чтобы сбывать в забугорные благополучные семьи? Возраст не тот, скорее уж для публичных домов или армии, вроде камбоджийских формирований Пол Пота. Но для публохат – риск немалый, статьи УК жестокие. А для войны проще сзывать молодежь где-нибудь во Вьетнаме. Или чечены? Но тогда почему в Питере, а не ближе – где-нибудь в Краснодарском крае?..

– На, – чтобы быстрее отвязаться, Лунгин протянул ночной фее полупустую пачку. Вообще-то в отношении женщин он был эстетом, к проституткам относился нормально, соглашаясь с, кстати, философом Розановым, утверждавшим, что эти женщины – величайшие благодетельницы человечества. Но встретившийся им экземпляр Лунгин за женщину считать не мог всяко.

– Дай-ка хлебнуть, – обратился он к сыну и взял у того из руки бутылку.

Пепел стал прикидывать, не использовать ли сеньориту в целях маскировки. Верняк, у Чичколины есть хата... влить в претендентку литр водяры, чтоб не путалась под ногами... Но чересчур в падлу, да и такие «гостиницы» враг прочешет по высшему разряду, Пепел бы сам облаву с этого начинал.

– Мальчики, дюже пить хочется, – продолжала проститутка, в спешке меряя тротуарную плитку.

– Значит, так, – Лунгин приостановился, достал из кармана монету, – если орел, идем в кабак. Решка – прощаемся.

– Хорошо! – фройляйн обрадовалась.

Лунгин разжал кулак и показал решку:

– Счастливо оставаться.

Они почесали дальше. Вслед раздавался простуженный мат. «Хоть какая-то от него польза», – подумал Пепел. Лунгин преданно посмотрел на Пепла, видимо, ожидая похвалы.

– Спасибо, Валерий Константинович, – не пожадничал Сергей.

Тот удовлетворенно хмыкнул, но Пепел этого уже не заметил. Мысли кружили по другим ипподромам. Самое неожиданное в произошедшем, что Пепел реально встретил своего двойника. Это был не просто очень похожий человек, это был натуральный близнец. Поневолле на ум приходила белиберда из индийских фильмов. Но Индия оставалась далеко, и верняк стопудовый, не было у Сергея Ожогова родных братьев-сестер... Или?..

– Папа, вообще-то, ты поступил грубо, – раздраженно отнял назад лимонад Пашка.

– Да что ты? – искренне изумился отец, – с ней-то, с этой?

Пашка так и затрясся, даже отшатнулся от отца.

– Почему?! Потому, что она проститутка? Это просто работа!

– А почему ты так зацепился, я не понимаю? – в свою очередь взелся Валерий Константинович.

Пепел слушал вполуха. Пашка даже обрадовался возможности поддеть, огорошить, расстроить отца:

– А потому, что моя девушка – тоже проститутка, – с некоторой гордостью заявил он.

Лунгин остолбенел.

– Не останавливаться, – подстегнул Пепел и тут же опять перестал обращать внимание на спутников. Или?.. Или все-таки была в семье Сергея Ожогова тайна вроде «Железной маски»?

– Пашка, – с ужасом проговорил Лунгин, – но это, это же... непотребное занятие...

– А что? – С вызовом спросил Пашка, готовый кинуться в бой, – вот наша мама кем работает? Бухгалтером. А моя Алена работает проституткой. И то и другое – профессии.

Мысли Пепла заинтригованно нащипилились на следующие восклицательные знаки: двойник похищал подростков, а этот шкет сам сбежал. А вдруг малец именно ради того и сбежал, чтобы не оказаться похищенным? Но тогда это не типичный нынешний подросток, а нечто не слабее седьмой инкарнации Будды, за которым гоняются эдакие посланцы Ада. Блин, вот до чего можно дошизоваться, когда не хватает фактов. Ладно, версии о брате-близнеце и о сверхгениальном юнце отложим в дальний ящик, все должно быть по правилу «скальпеля» банальней, поэтому и мы станем опираться на варианты попроще. Ведь «по оперативным данным» не от злодеев сбежал малец, а от чокнутых родителей. Просто, бунтует чадо.

Чадо бунтует, и бунтует назло ему. «И чего ему не хватало?», – искренне не понимал Лунгин. На всякий случай он решил перевести разговор.

– Сергей, куда мы идем?

– Туда, – Пепел размыто кивнул вперед. – Только предпочтительней звать меня «Пеплом».

Больше вопросов не послышалось.

Через пять минут они вышли на Конюшенную площадь. Пепел свернул во двор, Лунгины не отставали. Все трое уверенно прошли мимо охранника в покосившейся будке, который лениво посмотрел вслед и продолжил читать самоучитель у-шу.

– А что здесь? – гастролерно спросил Пашка.

– Здесь – таксопарк, – ответил Пепел, – нам дальше.

Двор был проходным и абсолютно пустым. Эхо шагов ломалось об окружающие облупленные стены.

– Кажется, когда-то здесь были конюшни, – задумчиво произнес Лунгин, рассматривая мощеную кладку под ногами.

За таксопарком высилась темная труба котельной. Само здание выглядело безнадежно запущенным, однако было крепким.

– Здесь что, твой знакомый? – поинтересовался Лунгин-меньшой.

– Нет. Но попробовать можно. Я место знаю, тихое и неприметное, – неохотно объяснял Пепел. В этом дворике они с приятелями еще в пору полового взросления распивали портвейн под гитару.

Сергей несколько раз стукнул кулаком в огромную, обитую железом дверь. В окнах горел свет. Пепел постучал еще раз. Дверь отворилась. Из тускло освещенного проема на них уставился худой бледный парень лет двадцати пяти, мину открывшего дверь трудно было назвать счастливой. Небольшие глаза за узкими очками глядели подозрительно.

– Второй сменщик здесь? – тоном большого начальника спросил Пепел.

– Тебе-то что? – нахмурился парень, явно не найдя языком более удачного отшива.

Из-за спины парня выглянула роскошная брюнетка в полурастегнутой рубашке и наспех натянутых джинсах. Как ни вымучился Валерий Константинович (на три инфаркта), при виде брюнетки мысленно облизнулся. Краем глаза Сергей заметил выражение воротничко-

вого короля. За последние несколько часов Лунгин достал его, аки камень в ботинке, от этого пропало всякое желание церемониться. Молча отодвинув парня, Серега ступил в теплое, но сырое пространство. Очкарик самоуверенно зевнул:

– Я охрану позову. Видел табло у входа? Посторонним, и всё такое...

– Сколько угодно. Не забудь добавить начальнику, что тебе помешали, – Пепел кивнул на брюнетку. И так, размышлял он, проблема имеет две занозы: подростки и близнец. Причем, песенку о маньяке заведомо допускается похоронить, маньяки по осени не сбиваются в стаи. И, особо отметим, не заточены работать так профессионально. Сергей уже жалел, что цыганское счастье столкнуло его не с маньяком. При этом – на все сто – двойник и есть похититель остальных малолеток.

– Что надо-то? – снизил обороты котельщик.

– Ночь переночевать.

Очкарик посмотрел тоскливо. Видно было, что ему, в принципе, все по фиг.

– Ну, вы даете, мальчики, – кокетливо завозмущалась брюнетка, – вломились сюда, можно сказать, грубо и насильственно...

После этих слов Лунгин уже не сводил с нее глаз.

Невероятно высокие потолки, коричневые котлы, наросты лестниц в два этажа, каменный кривой пол, разводные ключи под ногами, какого-то зеленого отлива кошка – одним словом, индустриальный пейзаж. Пашка, еле отогревшийся после прогулок в одной продуваемой футболке, нацелился на топчан. Из разорванной коричневой кожи внятно и убаюкивающе торчали клочья желтой ваты.

– Ну вот, – пропыхтел Валерий Константинович, – наконец-то... – он запнулся, сначала хотел сказать «всё кончилось», но поправился, – наконец-то передышка.

– Хотелось бы верить, – мрачно процедил Пепел.

– А что, вы думаете, всё еще впереди? – наивно поинтересовался Лунгин, продолжая пялиться «на присутствующих здесь дам». Ожогов с омерзением отметил: что бы он ни сказал, Лунгин заранее согласен с его мнением.

– Возможно, – бросил Пепел, показывая, что разговор закончен. «Нет, видимо, наш Лунгин не козел, просто козлит. Но козлит несносно», – подумал он. Только наивный мог предполагать, что наступила минута отдыха – Пепел сомневался. И уже в голове смаковал версию, что сыр-бор разгорелся не из-за младшего, а из-за старшего Лунгина. Надо бы поспросить с пристрастием, какие у того капиталы?

На рыжем деревянном столе красовался ополовиненный пластиковый баллон с пивом. Решив выдерживать роль, Пепел взял балдометр, отвинтил крышку и прильнул к горлышку, на правах главного оставив на доньшке.

– Скотина, – констатировал сменщик, впрочем, с уважением.

Лунгин меж тем не терял времени.

– Валера, – галантно назвался он, подойдя к брюнетке, торопливо подхватил ее ручку и демонстративно поцеловал. Увы, в этом бегемоте откуда-то внезапно появилась галантность.

Парень искоса наблюдал романтическую сцену, ирония во взгляде отсутствовала. Сергей мысленно взвыл: ну что не хватает этому уроду Лунгину?! А Валерий Константинович принялся грузить девушку какими-то мудреными рассказами об огранке бриллиантов. Та слушала, явно скучая, но, наверное, боялась разозлить незнакомых мужиков, ввалившихся среди ночи. Ясно же, бандюки. И ребенка не постесняются. Пепел хмыкнул – а вдруг Валерий свет Константинович реально шарит в брюликах? Не из-за этого ли такая шикарная облава?

– Слушай, Павка, – обратился Сергей, – я понимаю, ты отцу подгадить, научить его жить мечтаешь. Чтобы понял, какой ты на самом деле хороший и как без тебя плохо. Но ты мне одно скажи – при чем здесь Димыч?

– Ты и про Димыча знаешь? – ничуть не удивившись, уточнил Паша.

Пепел кивнул.

– Тоже мне, наука... Ты неужели не врубился, что его запишут в похитители? Или... Не его, а того, кто на него похож?

– Понимал, – ответил Пашка, явно на первую часть фразы, – я этого и добивался. Этот Димыч, чмо с ушами, мне поднабрал, и не кисло. Случилось так, что я бабла скопил. На мечту, понимаешь ли, – Пашка посмотрел в потолок, – я хочу поехать на «Формулу-1». Десять, нет, двадцать лет жизни бы отдал, чтобы в болиде посидеть. Ну, на это куда большие деньги нужны. Так дай, думаю, в кокпит не сяду, пусть хоть гонку своими глазами посмотрю. Где-нибудь близко, в Венгрии. Полтора года капусту копил! Все карманные деньги откладывал, на бездники просил дарить налик! Скопил. Ну, думаю, лафа. А дальше? С кем ехать? Мне ведь восемнадцати нет. Меня либо с предками, либо по доверенности от них. Ну, доверенность можно подделать, это не труд. А где взрослый-то?

– Ну и?.. – усмехнулся Пепел, – нашел барана, который за свои кровные тебя повезет?

Пашка надулся.

– Я на двоих скопил! Вот как! И предложил Димычу. За мой счет за бугор мотаться, прикинь?! Ну, когда еще такая маза будет!? А он, козел бородатый, отказался! Скотина!

Сергею аж скулы сводило от затуманивших череп загадок. Ладно, подозрения о бриллиантовом дыме оставим до удобного момента, отцедим прежние догадки. Зачем похищать подростков «не маньякам»? Для натуральных маньяков за башли? Или для отвода глаз? Угнали дюжину малолеток, прописали в ментуре фоторобот Пепла, а потом сделают свое гнусное дело с бриллиантовым Валерием Константиновичем, и все стрелки на Ожогова? Вариант? Вариант!

– Почему?

– А потому, – Пашка озверел, – что ему свою бабу оставлять не хотелось! Потому что она ему изменит.

– Но сейчас-то он уехал. – Сергей определился, что перед ним не седьмая инкарнация Будды, а детский сад.

– Так ее с собой взял!

– Ладно, уймись. Операция прошла успешно.

– Кстати, Пепел, – перевел тему ребенок, – ты денег не подкинешь?

– Не подкину.

– Ну и фиг с твоим карманом, сам достану.

– Знаете, гости дорогие, – крайне недружелюбно начал, наконец, очкарик, – шли бы вы баиньки... Время позднее.

– Отчего же, время как раз детское, – расплылся в блудливой улыбке Лунгин, – Паша, иди ложись. А мы тут еще посидим. – Он обернулся в сторону Пепла и стал что-то изображать, отчаянно вращая глазами. – Вы тоже, – сказал он сменщику, – устали – пожалуйста, отдохните. Вот только можно у вас украсть вашу девушку на время? Она ведь не против, правда?

Брюнетка испуганно посмотрела на бойфренда. «Хиловат», – подумал Пепел. Но как бы хиловат ни был парень, пусть и вломились к нему в ночи, болтаться тряпкой он не согласился. Мягко подойдя к великовозрастному Лунгину – Сергей знал, что предвещает такая походка – парень взял крутого бизнесмена за шкирятник и опрокинул лицом на столешницу. Очевидно, перестарался. Лунгин ойкнул и утер нос. Из ноздрей просочилась скудная кровь. Пепел посмотрел на парня другими глазами.

– Уморщусь на чизбургер, – предупредил парень, чем вызвал окончательно расположение Сергея.

– Послушай, приятель, – начал Сергей, и оценил, что парень не завелся в традиции американских дюдигов, мол «какой я тебе, тра-ля-ля-ля, приятель», – тебя как звать-то?

– Класс, – скептически восхитилась девица, – что, дружить будем?

– Не беспокойся, Мира, я этим бандитам тебя не отдам, – успокоил парень решительно. – Антон...

– Антон, значит. Можно тебя на минуту?

Антон посмотрел на Пепла без особой доброты, но подчинился. Они уселись за покрытый бордовой краской котел на торчащую из стены широкую трубу. Закурили. О чем был разговор, ни Мира, ни присмиривший Лунгин не слышали, но мордобоя не случилось. В итоге Антон махнул Лунгину рукой, и провел в раздевалку, где предоставил в распоряжение гостей широкую, мягкую, но крайне неудобную кровать, на которой, к тому же, уже сопел Пашка. Пепел выбрал ночевку на полу, на одеялах. Очкарик остался караулить внизу, а Мира устроилась в соседней раздевалке.

Ночью где-то поблизости устроили фейерверк и петардовый сабантуй. Пепел проснулся, показалось, что он все еще колбасится по железной дороге, перевернулся на другой бок и заснул опять. На рассвете, проснувшись, увидел, как Лунгин возвращается из двери в соседнюю раздевалку и тихо устраивается на койке. «Во – стайер!», – с брезгливым возмущением подумал Сергей и закрыл глаза. На это раз он не успел заснуть. Вошел Антон и громко объявил подъем.

– Через полчаса начальство придет. Хотите остаться – с ним разбирайтесь, – и привычно врубил антикварный транзистор с могучей трещиной наискосок по корпусу.

Бодрый комментатор тут же стал воодушевленно читать криминальную сводку:

– В настоящее время на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области действуют тринадцать этнических диаспор стран ближнего и дальнего зарубежья, представляющих «оперативный интерес». Об этом говорилось на координационном совещании руководителей правоохранительных органов, которое состоялось в городской прокуратуре. Среди них наиболее латентными, по сути – законспирированными, являются «афганская», «азербайджанская» и «вьетнамская» диаспоры. Другая опасность – подверженность части молодежи экстремистским настроениям. По данным Комитета по молодежной политике, в городе существуют три многочисленные агрессивные неформальные объединения: «панки» – порядка десяти тысяч человек, участники ролевых игр – примерно семь с половиной тысяч человек и «скинхеды» – около пяти тысяч человек...

Гости нехотя соскреблись с лежбищ. Сергей отметил свежую широкую царапину на щеке Лунгина и пару розовеющих семафориков-укусов на подбородке. Видимо, свою честь Мира отстояла профессионально и без лишней возни.

А вот и она возникла в дверях с уставшим видом победительницы:

– Сергей, можно тебя на пару слов, – попросила «присутствующая здесь дама».

Комментатор заливался соловьем:

– Во вторник около пятнадцати часов в квартиру на улице Маршала Новикова, где проживает восемнадцатилетняя студентка, позвонил человек в милицейской форме. Он представился участковым инспектором. Но едва жертва открыла дверь, как в квартиру ворвались двое мужчин. Угрожая насилием, преступники отобрали у девушки шесть тысяч долларов и четыреста евро. В милиции, не исключают, что злоумышленники были осведомлены о наличии у студентки крупной суммы. Возбуждено уголовное дело...

– Ну, что? – Пепел нехотя последовал за подругой. Мира облокотилась о стену, кутаясь в свитер.

– Я не знаю, кто этот выродок, – начала победительница без обвиняков, – но ты вроде нормальный. Какого крена с ним возишься?

Сергей равнодушно промолчал.

– Такие на бабах горят!

– Извини, – наконец пожал плечами Пепел, и откровенно, сам себе удивившись, добавил, – сам его на дух не переносу.

Мира недобро усмехнулась. И тут комментатор выдал на сладкое:

– Беспрецедентный несчастный случай произошел на набережной канала Грибоедова рядом с Ново-Никольским мостом. В автомобиле модели «Крайслер ПТ Краузер» обнаружены два обезображенных трупа. Экспертиза показала, что смерть наступила вследствие нападения бойцовой собаки. Одной из жертв является Владимир Борисович Савинков, известный в преступном мире под кличкой «Эсер» Вообще же, за девять месяцев этого года пострадали от укусов собак более девяти тысяч петербуржцев. Причем нападают на людей в подавляющем большинстве случаев не бездомные животные, а крупные псы бойцовских пород, выгуливаемые без соблюдения правил безопасности. По последним данным, в Петербурге насчитывается порядка пятисот тысяч собак...

У Лунгина и Пепла челюсти отвисли синхронно.

– А где Павлик?! – вдруг запаниковал Валерий Константинович.

Пепел яростно хряпнул кулаком по столу. Испарился не только нервный выюнош, из-под брючного ремня исчез добытый в неравном бою ТТ.

* * *

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь... – майор Горячев схватил руку пришедшего журналиста и доброжелательно помял ее. – Ох, что вы, мы ведь заранее, по звонку, договаривались, – отреагировал служивый, когда журналист полез в карман приталенной кожаной куртки за ксивой, но все же фотку с внешностью сверил, имя-фамилию – Александр Ханумов – изучил. И еще майору почудилось, что от удостоверения воняет псиной.

– Всё должно быть пристально ясно, – улыбнулся журналист, среднего роста, богемного вида, черноволосый и черноглазый, с легкой примесью азиатской крови. Куртку не снял, так и уселся за стол, наглый, как продавщица пива в СССР.

– Правильно! Без этого в нашем деле бардак. Да и в вашем тоже... Садитесь, пожалуйста. То есть, присаживайтесь, – неловко поправился запоздавший с приглашением Горячев. Он настолько старался выдать себя за серую кабинетную моль, что даже перебарщивал. Конечно же, майор навел справки – газета, от которой явился писака, поддерживала «Людей России», точнее, содержалась этой партией. И истинная цель визита не оставалась для Горячева тайной, что ж, пока будем подыгрывать.

Александр с кривой ухмылкой наблюдал за суетящимся майором.

– Знаете, не так часто приходится видеть представителей прессы в нашем отделе. Сейчас больше разглагольствуют о том, какие мы плохие... – робко блеял, внутренне лопаясь от смеха, майор. Ежу понятно, речь рано или поздно пойдет о капитане Павловой. И здесь майор подаст себя во всей красе, поскольку ангажированную газету в первую очередь читают политические оппоненты. И ежели в газете будет черным по белому написано, что непосредственный начальник надежды партии «Люди России» капитана Анастасии Павловой – мракобес и держиморда, у майора тут же нарисуются влиятельные союзники в борьбе с этой выскочкой в капитанских погонах.

– В мою задачу не входит писать пасквиль, – с высока уведомил журналист, – хотелось бы рассказать о, как говорится, суровых буднях, грубой сермяжной правде жизни.

– Сколько угодно... Знаете, будни у нас и впрямь... Не сахар... – майор елеинно улыбнулся, еле удерживаясь, чтобы не зарядить в лоб: «Ври, ври, да не завирайся!».

Ханумов снял с шеи болтавшийся, как амулет, диктофон, включил и положил на стол напротив Горячева. А вот диктофону майор позавидовал – цифра – посерьезней оплата труда

у журналист, могут себя побаловать. Впрочем, пресса – четвертая власть, а майор – первая, и если дело выгорит, станет майор богаче на миллион таких диктофонов.

– Товарищ майор, – традиционно начал гость официальным тоном, – прежде всего: расскажите о сотрудниках отделения.

Майор сцепил пальцы, принял правдивейшее выражение лица и повел битый неторопливый рассказ о прекрасном товарище и хорошем семьянине старшем лейтенанте Фролове; о недавно пришедшем в отдел, но уже подающем большие надежды лейтенанте Игнатике, кстати, первоклассном спортсмене, вон кубок, это благодаря ему. Вообще, о сплоченном коллективе, не смотря на привычные для сегодняшних реалий проблемы...

За дверью снова мелкая ментовская сошка, по полу нещадно сквозило, мерзкий осенний дождь барабанил в небольшое окно. И слова майора были столь же унылы, как и вид из этого окна в обшарпанной раме. Журналист терпеливо слушал, ожидая, когда можно будет перейти к главному. А майор по роже напротив читал, как гостю не терпится.

«Ничего, злее будешь, тем самым подсобишь вырвать эту кость в горле – Павлову». Если все срастется, как запланировал Горяинов, недруги «Людей России» отсыпят от щедрот майору мзду немалую. Правда, здесь торопиться не следует, сначала позволим Павловой раздуться, будто воздушный шарик, заиграть утренняя солнышком на политическом небосводе, а потом булавкой – пуф!!! И чем громче этот «Пуф!!!», тем дороже оппонентам обойдутся услуги Горяинова. То есть, он Павлову породит, а потом растопчет.

Раздался щелчок. Кассета в диктофоне закончилась.

– Одну секунду, я сейчас сменю, – объявил журналист, и, воспользовавшись паузой, втиснул ключевую фразу. – Я слышал, у вас работает капитан Павлова... – гость смотрел не в глаза хозяину кабинета, а в переносицу.

– А, Настя... – лицо майора недоброжелательно скривилось, четче проступили морщины, серые впалые щеки подобрались, улыбка мгновенно полиняла. И даже искусственная шерсть серого китайского джемпера под форменкой, казалось, встопорщилась. – Знаете, она выбивается из коллектива, – произнес он как-то по совковому, давая прессе до поры порезвиться.

– Чем же? – удивился Ханумов.

– Да хотя бы ее командный тон даже с коллегами... Политическая грамотность, опять же.

– Ну, это разве плохо?

Горячев недобро посмотрел на Ханумова.

– Настенька у нас – партийная.

– То есть? – невинно поднял брови журналист.

– Особа, приближенная к партии «Люди России». Впрочем, я в ее дела не лезу, своих по горло. – Майор опять начинал переводить разговор на себя, это не входило в планы посетителя.

– А что, в народе говорят, – запустил журналист фугаску, – что за определенную мзду любое дело прикрыть можно, даже такса определенная есть. Как относятся к подобной практике сотрудники вашего отдела?

Горячев внутренне вздохнул – к нему пришел слабак, сам бы Горячев для порядка прежде поспрашивал о последних громких убийствах: Мартынова, Лунгиной, Георгадзе, Охрименко, наконец Эсера, от которого тянется не ниточка, а настоящий корабельный канат к рынку сбыта фальсифицированных медикаментов.

– Молодой человек, – красиво оскорбился майор, – они к ней никак не относятся. Эта, как вы выражаетесь, практика, перестала быть чем-то из ряда вон выходящим аккурат после того, как ваша любезная пресса раструбила о ней широкой общественности.

– Однако та же общественность давно перестала не то что удивляться, но и сопротивляться. Например, по неофициальной таксе закрыть статью по хулиганке в ваших пенатах обойдется в пятьсот зеленых!

Майор смотрел на прищельца с улыбкой Луи дю Фюнесса, отдельно усмехнулся неосведомленности наглеца – пятьсот баков стоит не закрыть дело по хулиганке, а... Ладно, сейчас не до этого.

– А подложить невинному человеку косяк при обыске стоит навсего двести американских рублей! – быстро продолжал Ханумов, не давая Горячеву вставить слово, стараясь разозлить его, – А за штуку ваши сотрудники даже обещают ликвидировать неудобную личность, правда, личность со статусом оценивается гораздо дороже!

– Неправда! В нашем отделе такого не бывает!

– У меня другие сведения, – отчеканил Ханумов.

Майор добросовестно побагровел. Ханумов подумал, не перегнул ли он палку, и не хватит ли майора удар? Но нет. Видимо, с притоком крови в майоре обнаружилось некоторое подобие откровенности, пополам с буйством.

Горячев схватил диктофон, выдернул кассету, потянул пленку, смял ее, с силой надавил на пластмассовый корпус, разломал его, и бросил в ведро. Яростно опалив Ханумова взором, хозяин кабинета для верности прибавил к списку разрушений диктофон – шарахнул приборчик о стену. Диктофон рассыпался на детали. Со стены упала маленькая фотография майора в тяжелой раме.

– Ты, шваль, – процедил майор, – это уже не для протокола...

Журналист не оскорбился, он внимал.

– Ты что, приперся меня жизни учить?

– Нет, вас слушать, – лишний раз нахамил парень, стараясь вести себя как можно более раздражающе.

– А, знаю, – зашипел Горячев, – тебя эта выдра навела, Павлова, ты ее дружок, да? Ты напишешь, она подтвердит? Ну, я ей житуху устрою! Да, такие финты в ее духе, дрянь, а ведь у нее один голос чего стоит! Рот распахнет – Геббельс отдыхает, ей-ей. Сидела бы и не фурычила, еще нас завалить пытается, стервь...

– Спасибо за интервью, – вежливо произнес Ханумов, поднимаясь с неудобного стула.

– Только попробуй напечатать! – майор затрясся от ярости, – засужу за клевету!

Журналист пожал плечами:

– С вас причитается за техническое оборудование, – кивнул писака на то, что осталось от диктофона.

Майор выматерился. Журналист вышел на улицу, покосился на «Пежо» с отвинченным правым передним колесом. Не прикрывая голову, хотя дождь шелестел и шелестел, писака прошмыгнул в обход луж по двору и сел в бежевую девятку с затемненными стеклами и фальшивым номерным знаком. Улыбнулся. Он был доволен своей работой, выполнять которую не доверял никому.

Повернув зеркало, Ханумов содрал парик; натянув пальцами веки, отлепил от висков пластырь – такой используют в кино и фотографии, чтобы придавать глазам нужный разрез. Уже сейчас в зеркало глядел не азиатского прицела тусовщик, а тридцатипятилетний славянин, сероглазый блондин, с неестественным для его масти загаром – гримом бледно-коричневого оттенка, который стирается крайне паскудно (его он удалит в другой обстановке). Пепел? Нет. Бывший сотрудник отдела внешних операций Военной информационной службы ⁴ Войска Польского, бывший спец третьего ранга по вопросам маскировки Чеслав Баржицкий, осевший в России под кличкой Терминатор.

⁴ военная разведка и контрразведка

Три месяца назад в поисках подходящего лица организация перелопатила всю ментовскую картотеку, но нашла. Терминатору оставалось слегка затемнить волосы (у Пепла они были не такие светлые) и сузить крылья носа, что решалось минимальным хирургическим вмешательством. Пепел – он же дважды судимый Сергей Ожогов – идеальный кандидат, внешне катит, волк-одиночка, за него некому вступиться, на него можно списать танкер криминала.

Естественно, они ожидали сопротивления, и они его получили. Сначала несанкционированно исчезает мальчишка и исчезает тютелька в тютельку по их сценарию, хотя Терминатор здесь мизинцем не пошевелил. Потом пропал сам Пепел, как и Валерий Лунгин, и это – после прошедшего по маслу убийства Эсера.

Терминатору приходилось действовать быстро. Его планы, и главное – планы его руководства, кем-то нарушались. Очевидно, что кто-то действует против них целенаправленно. Кто? Частная инициатива, организованная преступная группа, политическая сила, силовая структура? По непроверенным данным у президента этой страны на столе ждет подписи «Программа обеспечения независимости от иностранной фармакологии» – не отсюда ли ветры дуют? А ведь операция, которую реализует Терминатор, расписана по дням: собрали человеческий материал, использовали, растворились, в сносе – Пепел.

Пся крев, теперь эти куцые дни будут не столь «удобны». Похищение Лунгина – игра против них, во всяком случае, часть этой игры, возможно – попытка привлечь к событиям больше общественного внимания, возможно – еще более хитрый ход, смысл которого Терминатор пока не отгадал. Но и выяснять, какая сила вписалась в игру третьей-лишней, в условиях цейтнота было бы ошибкой. Проще начать встречную атаку, погнать волну, подплеснуть крови на раскаленную сковородку. Начнется бардак и беспредел, нет больше с нами Эсера, его хозяйство начнут делить урки-соседи. Они порвут друг другу глотки, взметут ил со дна, и третья структура благополучно потеряет нюх в этом шухере. Такая задача лежала на Терминаторе. Те, кто направлял его, знали: ему по силам.

Нужна анархия, беспрецедентный передел собственности. Обвал заказных убийств, внешне неоправданных похищений и арестов левых людей по ложным обвинениям. И чтобы коллеги Эсера поторопились, Терминатор сперва активировал майора, а сейчас подключит в темную Павлова. Здесь главное нажать на все клавиши.

Распсиховавшийся Горячев выложил информацию, которой не было оснований не верить. Терминатор узнал то, что не выудить из ментовских картотек и Интернета: Павлова достойна особого внимания, как достаточно самостоятельная фигура. Оставалось только ее в игру ввести.

Добыть номер домашнего телефона Анастасии Павловой не составляло труда, телефонная книга в интернете наивно выдавала сведения. Терминатор набрал семь цифр. Занято. Решил перезвонить после следующего светофора. Но и со второй попытки в трубке слышались короткие обрывочные гудки.

Терминатор свернул с Владимирского на Невский. Припарковав у ближайшего Интернет-клуба неприметно-бежевую девятку (не чувствовал он эту машину, но не время понтоваться на привычном «Астон Мартине»), он вышел, распахнул тяжелую дубовую дверь и оказался в ионизированном зале, напичканном компьютерами. Этот клуб Терминатор хорошо знал, наценки за центр здесь были в пятьсот процентов, и каждый посетитель стремился высидеть время, не отвлекаясь ни на минуту. Если бы рядом, за соседним монитором, базарил в чате, потягивая кока-колу, бен Ладен, он бы оставался незамеченным сколько угодно.

Как только Терминатор уселся за рабочее место, в его сторону прогарцевала услужливая официантка. Клиент заказал пиво.

А вот электронного адреса Павловой не могла сообщить ни одна база данных. На всякий случай Терминатор набрал ее имя в поисковике «аськи» – вдруг добрая программка выдаст «мыло». Но и в этой системе Павлова зарегистрирована не была. Официантка принесла длинный расширяющийся кверху бокал с блеклым пивом и поинтересовалась:

– Чего-нибудь еще?

– Пока нет.

Она чуть наклонила голову и отошла, напоследок окатив Терминатора томным восхищенным взглядом: загорелые блондинистые самцы были ее слабостью.

Терминатор не отрывался от монитора.

Правила клуба запрещали создавать гипертерминалы: находчивые пользователи еще начнут таким образом экономить на нете, и функция была удалена из меню пользователя. Терминатор дал команду «перезагрузить компьютер». Так и есть – установлена не одна система. Вторая предназначена для сотрудников клуба. Пароль здесь требовался только к личным документам, и в этой системе функция создания гипертерминала не блокировалась.

Терминатор ввел в нужное поле домашний телефон Анастасии Павловой, затем быстро напечатал текст. Не прибегая к уклончивым намекам, он сообщил, что Эсер убит по приказу одного из питерских авторитетов, вознамерившегося подмять петербургский медицинский рынок полностью; и о том, что этот авторитет – один из оставшихся восьми, специализирующихся на криминале в медицине папиков; и о том, что убийство Эсера – первое в соответствующей серии заказух. Подумав, приписал восемь телефонных номеров – он помнил их наизусть. Называть пусть фальшивые имя и координаты источника не стал. Через переводчик передал текст на французский и обратно – таким образом уничтожая лингвистические нюансы, по которым сносный эксперт узнает многое – и перенес подметное письмо в окно сообщения.

Когда пива в бокале оставалось уже на три пальца, компьютер уведомил, что сообщение получено. Клиент отставил согретый бокал, направился к выходу, на ходу, не глядя, кинул на поднос официантке зеленую купюру, отчего та расцвела буйным цветом. Бывший гражданин Польши, а ныне умелец на все руки, надо – убийца, надо – аналитик, надо – непревзойденный спец по индивидуальной маскировке, был уверен, что в ближайшее же время последуют громкие результаты его сегодняшних – таких элементарных – действий.

Глава 4. Рецепты выживания

*...И так и сяк пытался я
Понравиться фортуне,
Но все усилья и труды
Мои остались втуне.
То был врагами я подбит,
То предан был друзьями
И вновь, достигнув высоты,
Оказывался в яме...*

«Был честный фермер мой отец» Роберт Бернс

Вопрос пополнения карманов на текущие расходы стоял для Сергея довольно остро. Понятно, объявись он в любом месте Питера, где по столу шлепают игральными картами, как всевидящий враг об этом ярком факте его биографии узнает мгновенно. Вот и приходилось изыскивать доходную статью в малознакомом мире тотализатора. От Конюшенной площади идти было недалеко, и уже через десять минут они окунулись в шум «Футбол-бара».

– Пепел, зачем мы здесь? – робко спросил Валерий Константинович. Раскаиваться начал, что ли? Или испугался?

– Слышь, Лунгин, – не поворачиваясь к безутешному отцу, процедил Пепел. – Зачем здесь я: поиздержался малость в последнее время. А вот почему ты прилип ко мне репьем, и главное, почему покойный Эсер мне из-за тебя хребет царапал, я хотел бы услышать со всеми подробностями.

Валерий Константинович отшатнулся, будто получил по зубам от хулигана. Пепел взял линию. Собственно, сегодняшняя гонка, Гран-при Японии, была последним этапом Чемпионата. Да и несгибаемый Шуми еще шесть этапов назад досрочно стал пятикратным чемпионом.

– В принципе, он теперь может вообще не выходить на трассу, – для убедительности поджав губы, рассуждал над ухом Пепла один из проигравшихся подчистую завсегдатаев, – все равно никто ему не помешает. Ура, конечно, но речь о другом. Сколько у вас денег?

Пепел наглый вопрос проигнорировал, однако равнодушное молчание не явилось достаточным средством защиты от незваного советчика.

– «Формула» сейчас надежней, – жарко шептал завсегдатай и хватался за хранящийся у сердца мятый и во многих местах подчеркнутый дрожащей рукой «Спорт-Экспресс», – Все известно заранее! – Пятна на брюках советчика отчетливо виднелись даже при искусственном освещении, – Трасса не самая легкая, это тебе не итальянская «Аутодроме Национале», здесь, в Сузуке, халявы не будет!

Пепел краем отметил, что льнувший к его бумажнику гражданин обут в летние сандалеты.

– А, следовательно, для победы нужна хорошая машина. «Феррари» в этом году на голову выше БМВ или «Серебряных стрел». Знаешь, даже анекдот есть. Получают зарплату пилоты «Феррари». Михаэль увидел, сколько у Рубенса, и кричит: «За что тебе столько?!», «А на какие бабки я буду механиков „Мерседеса“ целый уик-энд спаивать?!»

Посетители «Футбол-бара» напоминали стайку воробьев перед генеральной дракой, или клубящийся рой возбужденных пчел.

– Если же игрок ставил, что Россия выигрывает и первый тайм, и весь матч, коэффициент доходил уже до двух с половиной, нарастая, таким манером, по мере повышения уровня риска, сложности ставки, а в последнем случае и взаимосвязанности событий. Любопытно,

что вышедший счет матча был настолько непредсказуем, что иные букмекеры в принципе не предлагали его в списке возможных, – бубнили справа алчные личности с волосами цвета прокуренных усов.

– ...Так вот... Шуми у нас на первой линии стартовой решетки. Поул, как водится... Имеет смысл ставить, во– первых, на победу Шумахера. Во– вторых, на дубль «Феррари»...

– ...Матч судил известный итальянский арбитр Пьерлуиджи Коллина, не случайно прозванный спортсменами Фантомасом. Прославился он и любовью к пенальти в конце игры (памятен важнейший матч с участием сборной Чехии на чемпионате мира, когда игрок команды в прямом смысле на коленях умолял Коллину отменить назначенный одиннадцатиметровый, естественно, безрезультатно), и нетерпимостью к апелляциям, симуляциям и рукоприкладству. За что и был строго наказан швейцарский игрок, ударивший по щеке нашего полузащитника. А возможность получения красной карточки оценивалась букмекерами в три, семьдесят пять... – бубнили справа.

– ...У них в этом сезоне уже семь дублей было, почему бы и восьмому не быть? Трасса сложная, но не шибко скоростная. Тем более нужна хорошая, надежная машина...

– ...От Булыкина гола не ждали: не забьет – один и три десятых, забьет – три и две десятых. Интересно, каков был бы коэффициент на оформленный им хет-трик? Курьез и в том, что ставки на швейцарских игроков не сыграли, так как случился автогол. – монотонно бубнили справа.

– ...А значит, в-третьих, ставим на дубль быстрееший круг одной из «Феррари». Скорее всего это будет Шуми, смех смехом, а у него машина лучше, да и при всем моем уважении к Барикелло, он не так хорош, как партнер по команде. Ну и сделаем ставку: кто доедет. Хотя здесь рисковать не стоит, но Райкконена и Ральфа Шумахера – можно учесть.

Наконец Сергей оторвался от линии и студено посмотрел в глаза заседающему всегдаю. Дополнять выразительный взгляд какими-либо словами не потребовалось, обутый в расплывающиеся сандалеты знаток ступешевался и отлип.

Пепел сунулся в окошко, сделал ставку и, появившись уже за спиной густо потеющего и обалдевшего от кипящих вокруг страстей Валерия Константиновича, хлопнул папашку по плечу:

– Если вы еще здесь, значит решили открыть мне всю правду. Что ж, это разумный шаг.

– У меня есть небольшая фабрика по производству лекарственных препаратов, – со скрипом начал Лунгин.

– На сколько небольшая?

– Тридцать четыре и шесть десятых процента петербургского аптечного рынка. Эсер был моей крышей, точнее – старшим партнером.

– Страшным партнером, – показал зубы в бельмондовской улыбке Пепел.

– Да? – волновались в двух шагах, – Ну, мне же лучше, новичкам везет. Вот, например. Такой случай был, весь мир история облетела. Жил один мужик в Англии, и была у него мечта – накопить пятьсот тысяч фунтов, поехать в Лас-Вегас и поставить на черное. Специально ради осуществления этой мечты он занимался бизнесом. А в казино никогда не играл, и в любые азартные игры тоже. В итоге – накопил! А сумма – то немалая, и к слову – все его состояние. Стал собирать чемоданы в Вегас, жена в истерике, дети плачут, мать-старшука с горя убивается, друг хочет в психушку сдавать, но нет, наш герой оказался упорным. Поехал. Поставил. Всё сразу на черное. Выиграл. Вернулся и больше никогда не подходил к казино.

* * *

Полученное сообщение не застало капитана Павлову врасплох. Собственно, удивить, а тем более шокировать эту красавицу было невозможно. Рисуя ее негатив липовому журналисту Ханумову, майор Горячев во многом не ошибался, она была принципиальной и властной, но, однако, не типичной стервой из пошлых комедий. Павлова обладала изощренным умом, железной хваткой и холодным – когда доходило до практики – сердцем, почти по Дзержинскому. Именно поэтому она не только поверила неожиданному подарку, но и поняла, что игра, в которую ее кличут – не игра для одиночки. Но громкое дело было необходимо капитану Павловой, будто Африка перелетной птице, Терминатор действительно не прогадал в своем расчете. Перечитав еще раз послание и сохранив его в папке «Вкусно», Анастасия вышла из сети и, пока компьютер выключался, приняла решение.

– Ну, Настёна, умница! Если ты раскроешь дело до середины ноября ⁵, мы не то, что пятипроцентный барьер, мы все пятнадцать процентов огребем! Помогаю тебе, а сам думаю, как бы ты мое место не заняла. Смотри, я тебя бояться начинаю. – Патрон вопросительным знаком навис над столом.

Еще в кабинете находились два вполне приличных кресла, обитые тисненой кожей, у стены напротив окна выстроились рядом несколько стульев, и – стоял посреди комнаты – еще один столик, на коротких ножках, с образцами агитации и хрустальной вазочкой, не знавшей цветов.

– «Огребают» – проблемы, а барьеры – берут с разбега, – капитан Павлова брезгливо хмыкнула.

Валентин Владиславович Селезень-Лапицкий (причем у первой фамилии, для полного издевательства над обладателем, ударение приходилось на последний слог), председатель петербургского отделения партии «Люди России», понял двусмысленный смешок по-своему. Дескать, куда уж мне, несмышленной бабе, до вас, батюшка Валентин Владиславович. Конечно же, Валентин Владиславович шутил, обвиняя Анастасию Павлову в столь низком коварстве. Всякие сплетни и наговоры против Павловой разбивались о стену веры и упорности Селезня-Лапицкого. Три года назад, когда ему было пятьдесят семь, он принял Настеньку под пушистое крыло – умеренно правое, осторожно левое. Он хорошо помнил, с чего зародился союз.

Проходило одно из первых собраний, когда партия, сейчас имеющая вес в Думе, была сборной солянкой энтузиастов. Тогда обсуждался вопрос генерального лозунга на региональном уровне. Елизавета Серпухова, заклятый враг Селезня-Лапицкого, метившая в председатели партии, безапелляционно выкрикнула:

– Всё лучшее – населению!

– Американскому.

Серпухова отцедила яростный взгляд в сторону Анастасии, так мимолетно и наповал утопившей посыл. Павлова, в свою дуэльную очередь, насмешливо и кокетливо приподняла бровь, хотя ни насмешницей, ни кокеткой она не слыла – просто терпеть не могла визгливую Елизавету. Одним брошенным на заседании словом Анастасия обрела врага. И де факто приобрела пылкого поклонника в лице Валентина Владиславовича, которого де юре выбрали в председатели. И теперь Анастасия, с ее незапятнанной репутацией, была знаменем партии – во всяком случае, в глазах Валентина Владиславовича.

Сегодня она пришла просить дозволения на авантюрное по его меркам предприятие. При всей своей наивности в отношении железной капитанши, Валентин Владиславович сме-

⁵ В описываемом году выборы в Думу были назначены на 7-е декабря

кал, что она чего-то не договаривает. На его столе язвой лежали интернетовские распечатки рейтинга, где партии светило блекло. Еще на его столе возвышался бронзовый продукт – медная скульптура сокола, которую подарили итальянские муниципалы вместо денежного вливания, отделались посулами дружбы.

– Но погоди, ты раскрываешь дело, ты спасаешь похищенных подростков – вся слава тебе. При чем здесь наша партия?

– Без партии я – ноль. Без партии, точнее, без ресурсов партии, я ничего раскрыть не смогу, и не смогу никого освободить, руки коротки. Смогу только упечь на зону дважды судимого симпатичного балбеса Сергея Ожогова, хотя вряд ли он при чем-то. А опираясь на доверие партии, я смогу докопаться до сути, но это, скорее, мой кусок пирога. Зато далее партия первой будет слушать репортажи с театра военных действий за передел медицинского рынка, ведь вести дело буду именно я. Уже сейчас можно диктовать заказные статьи и листовки, что партия озаботилась очищением рынка от криминала.

У Лапицкого зазвонил мобильник, но он отрубил звонок, даже не поинтересовавшись номером побеспокоившего. Настя продолжила отвешивать вкусные фразы:

– Бандиты перехлопают друг дружку, а партия этот результат запишет в свои заслуги: только вы и я ответственны за то, как будет освещаться эта война для обывателей. Если же в процессе слетит с должности мой майор, я не окажусь слишком огорчена.

Нет, не даром Настя обладала неисчерпаемым кредитом доверия: отказать ей председатель не смог, а честно – не очень-то и рвался, перспективы завораживали. Особенно, когда Настенька, теплая и благоухающая чем-то восхитительным без химии, уселась перед партруком прямо на пол, призывно глядя ему в глаза.

Вообще-то с этого ракурса замечалась не только потрепанность вождя, но и малолицеприятные подробности финансового достатка партии. Не подметенная три дня целлофанка от банального сердечного средства и рядом же смятый рецепт. Сдохшая трехрублевая авторучка и стальные скрепки. Мало того, что у движения нет средств на поповую канцелярию, но и уборщица оплачена не через день, а раз в неделю.

– Опять затеяла что-то рискованное, – пожурил старший для солидности, но тут же поторопился кивнуть, боясь спугнуть синюю птицу, – но я согласен. Поступай, как считаешь нужным.

– Я знала, что ты не откажешь.

Это «ты» было для шефа слаще карамельки. Единомышленница легонько поцеловала патрона в желто-розовую щеку, покрытую тоненькой паутиной морщин.

«Еще бы он отказал!», – мысленно фыркнула Анастасия, пружинисто и победно выходя из кабинета, этакая амазонка. Капитан Павлова даже не просчитывала, что предпримет, запрети ей Селезень-Лапицкий определенную самостоятельность. Эти выборы, конечно, Настя – не комбайн, но через уставные четыре года ее звезда должна воссиять, как там у Пушкина: «И, в гроб сходя, благословил...». Она потерпит и подыграет.

В приемной триумфиаторша остановилась перед большим зеркалом в аляповатой резной раме. Поправила для порядка прическу, хотя, конечно же, остановилась полюбоваться собой. Такой бабочке мало кто откажет, подойди она с умом и желаньем. Невысокая, приятно полная, рыжеволосая, с тонкими чертами лица, в неброских украшениях, мутно-зеленом гражданском костюме. Анастасия Павлова предпочитала такой цвет не случайно. Это было ее единственной, но объяснимой слабостью, и, в какой-то степени, ее тайной.

Тройка активистов на заднем плане комнаты не стеснялась Насти:

– Вечером в клубе ЛОМО ⁶ будет встреча с избирателями «Народного голоса». Я тут у одного прапора купил хитрые ампулы. Ты проникнешь в зал, сломаешь и подбросишь. Вонь пойдет такая, что толпа через минуту рассосется.

– А у нас рядом собрались сквер сносить, элитный дом строить, окружающие жильцы в безнадее. Давайте митинг соберем, телевизионщиков фуршетом заманим.

– А кто вонючки подбрасывать будет?

– все жильцы за нас потом голосовать будут.

– Мы тут не в игрушки балуемся, а ты со всякой фигней...

«В лучшем случае хулиганка, Статья сто пятнадцать. Умышленное причинение легкого вреда здоровью. Но могут впаять и что-нибудь из двадцать четвертой главы „Преступления против общественной безопасности“, где наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет... – отчужденно подумала Настя, – Надо бы подсказать старичку, чтоб просеял ряды от экстремистов».

Анастасия Павлова, сама того не ведая, чем-то походила на своего наводчика. В частности тем, что все касающиеся ее дела предпочитала проворачивать сама. Нутром чувствуя настоящее дело, так выгодное ей, она домчалась до участка и закрылась в родном кабинете. У коллег был то ли второй завтрак, то ли первый обед, и беспокоить ее оказалось некому. Собственно, домашние номера телефонов той восьмерки информатор мог бы и не указывать – у капитана Павловой они имелись, но об этом действительно мало кто ведал: такие «папки» были не в юрисдикции тривиальной ментуры.

⁶ Ленинградский оптико-механический завод

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.